Koscheleff, wo sind wir?

ГДѢ МЫ?
КУДА И КАКЪ ИДТИ?

А. КОШЕЛЕВА.

BERLIN.
B. BEHR'S BUCHHANDLUNG (E. BOCK.)
3. UNTER DEN LINDEN 3.
1881.

ГДѢ МЫ?

КУДА И КАКЪ ИДТИ?

А. КОШЕЛЕВА.

BERLIN.
B. BEHR'S BUCHHANDLUNG (E. BOCK.)
3. UNTER DEN LINDEN 3.
1881.

Опять, по необходимости, печатаю за границею. Чтó же дѣлать? Цензура наша не позволяетъ говорить о вопросахъ самыхъ настоятельныхъ и самыхъ существенныхъ; молчать же, въ настоящее время, считаю гражданскимъ проступкомъ и нравственнымъ грѣхомъ. Переживаемыя нами обстоятельства таковы, что всякій долженъ, по мѣрѣ силъ и возможности, высказывать то, чтó считаетъ необходимымъ для отечества. Новаго—лично мною придуманнаго, въ этой книжкѣ, мало. Я и не гонюсь за оригинальностью. Я старался высказать здѣсь то, чтó, кажется мнѣ, назрѣло въ общемъ сознаніи и чего приведеніе въ дѣйствіе необходимо и безотлагательно.

Да поможетъ Богъ вступившему на престолъ Государю вывести насъ изъ того положенія, въ которомъ теперь мы обрѣтаемся!

А. Кошелевъ.

Шлангенбадъ, 24 іюля 1881.

ГДѢ МЫ?
КУДА И КАКЪ ИДТИ?

Вотъ вопросы, которые каждый изъ насъ или съ сознаніемъ себѣ предлагаетъ или безъ сознанія выражаетъ своимъ бытомъ. И это относится не къ однимъ лицамъ, но и къ цѣлымъ состояніямъ, учрежденіямъ и даже къ самому правительству. Малоизвѣстность, неопредѣленность и зыбкость нашего положенія вообще являются и въ тяжкомъ, во всемъ насъ гнетущемъ застоѣ, и въ разныхъ то какъ-бы разумныхъ и энергичныхъ выходкахъ, то вялыхъ, малосмысленныхъ и безсвязныхъ распорядкахъ, отъ времени до времени, то тутъ то тамъ, предпринимаемыхъ, но ни въ чемъ и ни къ чему насъ не подвигающихъ. Да, бѣдово, почти отчаянно наше положеніе!

Главная причина его бѣдственности заключается въ томъ, что мы себя, все насъ окружающее, и обстоятельства, посреди которыхъ обрѣтаемся и живемъ, знаемъ плохо, очень плохо, а часто и во-

все на выворотъ: внѣшнее, кажущееся, въ глаза намъ бросяющееся, мы принимаемъ за дѣйствительность, и валяемъ какъ будто все знаемъ и во всемъ глубоко убѣждены. Или, что́, пожалуй, еще хуже, считаемъ всякое движенiе впередъ ненужнымъ, вреднымъ и даже опаснымъ; стараемся все удерживатъ въ неподвижности (in statu quo); сердимся, когда насъ тревожатъ, и думаемъ, въ бездѣйствiи, обрѣсти покой и благоденствiе. Какъ такiя мечты противны природѣ человѣка! Какъ онѣ вредны и опасны, и ведутъ насъ къ совершенно противоположному!

Великая наша бѣда не только въ томъ, что мы себя и своей обстановки не знаемъ; но еще бо́льшая въ томъ, что и знать себя и ее не считаемъ нужнымъ, и довольствуемся тѣмъ, чему сами не вѣримъ или плохо вѣримъ. Правительство получаетъ донесенiя, дознанiя и отчеты, и само знаетъ, что правды въ нихъ очень мало; а между тѣмъ оно какъ будто имъ вѣритъ и по нимъ дѣйствуетъ. А мы, въ этомъ отношенiи, развѣ много лучше? Настоящихъ трудовъ по самопознанiю совершаемъ чрезвычайно мало и довольствуемся схваченнымъ на лѣту. Даже изучая исторiю, статистику, нравы и обычаи нашей страны, мы вглубь не идемъ, ограничиваемся поверхностнымъ съ ними знакомствомъ, и спѣшимъ обобщить наши замѣтки и вывести изъ нихъ какъ бы аксiомы. Мы дивимся, что наша молодежь хватается

за всякія нелѣпости, которыя тайно, въ видѣ запрещеннаго плода, ей сообщаютъ, и идетъ на безумныя а иногда и преступныя дѣла. Что дѣлать? Въ потемкахъ, въ неизвѣстномъ мѣстѣ и при духотѣ, всякій бредетъ куда попало, и рѣшается зря, лишь бы выбраться на свѣжій воздухъ и за что-нибудь живое ухватиться. Если вообще люди такъ поступаютъ, то понятно, что молодежь, при подобныхъ обстоятельствахъ, дѣйствуетъ еще неосмотрительнѣе; и бросай въ нее камень тотъ, кто чувствуетъ себя безгрѣшнымъ. Да, много страннаго, почти непонятнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ нелѣпаго и ужаснаго, совершается у насъ — міру на диво, а намъ на бѣду!

И все это отъ чего?

Отъ того, что вообще и правительство и мы, какъ граждане и люди, ведемъ себя крайне легкомысленно; что „авось" да „какъ-нибудь" руководятъ нашими дѣйствіями; что мы вовсе не вникаемъ въ сущность дѣлъ и явленій, и не обращаемъ вниманія на значеніе переживаемаго нами времени; что мы страшимся того, чего опасаться вовсе не слѣдуетъ, и пренебрегаемъ тѣмъ, въ чемъ корень зла и тѣхъ дѣйствій, которыя, въ послѣдніе годы, насъ поразили и теперь насъ сокрушаютъ. Неужель и нынѣ, къ совершившимся событіямъ и къ нашему положенію вообще, мы отнесемся легкомысленно и заурядно?

1*

I.

Много, въ настоящее время, толкуютъ о нигилизмѣ и въ немъ видятъ источникъ нашихъ золъ и бѣдствій. Это, пожалуй, и вѣрно; но не поверхностно ли у насъ смотрятъ вообще на нигилизмъ? Постигаютъ ли дѣйствительную его сущность? Обхватывается ли онъ во всей его обширности, полнотѣ и глубинѣ? — Эти вопросы выдвигаются какъ бы сами собою, вслѣдствіе того, что собственно нигилизмъ едва ли гдѣ такъ общъ и дѣйствененъ какъ у насъ; хотя казалось бы, наша страна и нашъ народъ, сами по себѣ, вовсе не представляютъ благопріятной почвы для его развитія.

Чтò такое нигилизмъ?

Многіе смѣшиваютъ его съ западнымъ соціализмомъ и коммунизмомъ. Тутъ явное недоразумѣніе: конечно много въ нихъ общаго; но имѣются между ними и существенныя различія. Соціализмъ и коммунизмъ возникли на западѣ, вслѣдствіе деспотизма капитала, сосредоточенія земельной собственности въ рукахъ немногихъ, — вслѣдствіе разныхъ остатковъ феодализма и главнѣйше въ силу нуждъ существующаго тамъ многочисленнаго пролетаріата и полнѣйшаго необеспеченія ему средствъ къ жизни. Успѣхамъ этихъ ученій много помогли революціонныя движенія, бывшія въ концѣ прошедшаго и въ первой половинѣ текущаго столѣтія. Тамъ выработались разныя соціалистическія и коммунистическія аксіомы; и этому сильно со-

дѣйствовали все болѣе и болѣе распространявшіяся роскошь и нищета, безнравственность и невѣріе. — У насъ, бытовыя обстоятельства совершенно иныя: капиталъ (да его далеко и не въ избыткѣ), въ нашей странѣ, еще вовсе не деспотствуетъ, и равно нуждаются капиталы въ рабочихъ, а послѣдніе въ разумныхъ и состоятельныхъ хозяевахъ и предпринимателяхъ. Землею, въ бо́льшихъ или меньшихъ размѣрахъ, надѣлены болѣе 80% всего нашего населенія. Феодализма у насъ не бывало, а слѣды крѣпостнаго права видомо изчезаютъ; въ отношеніяхъ же землевладѣльцевъ къ крестьянамъ, это измѣненіе совершилось быстрѣе чѣмъ можно было ожидать. Пролетаріата у насъ, слава Богу, еще нѣтъ или имѣется онъ въ ничтожныхъ размѣрахъ. Революціонныхъ движеній, нѣсколько значительныхъ, у насъ не было; а тѣ, которыя и возникали, послужили доказательствомъ, что они совершенно нетуземны. — Конечно у насъ имѣются свои нужды и весьма тяжкія; но не онѣ призвали къ намъ соціализмъ и коммунизмъ. Эти иноземные недуги зашли къ намъ случайно, занесены въ видѣ экзотическихъ ростѣній и не находятъ благопріятной почвы для своего развитія въ тѣхъ именно слояхъ народа, гдѣ они должны бы всего болѣе развиваться. Пошли пропагандисты „въ народъ", и что же? Не только земледѣльцы, но фабричные и заводскіе рабочіе надъ ними насмѣхались, отъ нихъ отварачивались и даже предавали ихъ въ руки полиціи.

Нашъ нигилизмъ, хотя и позаимствовалъ койчто у западнаго соціализма, коммунизма и революціонизма, есть своего поля ягода. Нашъ недугъ получилъ и собственное названіе, такъ что, въ Европѣ, подъ нигилизмомъ разумѣютъ почти исключительно русскій недугъ. У него нѣтъ своихъ собственныхъ догматовъ; отличательное его свойство есть полное отсутствіе какихъ-либо убѣжденій — ничего, ничего и ничего. Но въ этомъ-то nihil и содержится весь смыслъ, вся сущность и вся сила этого недуга.

Казалось бы что въ *ничёмъ* ничего и быть не можетъ, а на дѣлѣ оказывается, что въ немъ очень много, что имъ проникнутъ нашъ бытъ (авось не слишкомъ глубоко), что ни одно сословіе или состояніе, ни одно учрежденіе, ни само правительство отъ него не свободны, что почти всѣ ихъ дѣйствія носятъ на себѣ отпечатокъ *ничего*, и что оно парализуетъ всякую дѣятельность частную, общественную и правительственную.

Ничего — слѣдовательно нѣтъ ничего истиннаго, добраго, справедливаго, законнаго, Божьяго — слѣдовательно все или почти все безразлично. Къ несчастью, въ нашихъ бытовыхъ обстоятельствахъ, въ нашихъ мнѣніяхъ и дѣйствіахъ, много, очень много какъ бы подтверждающаго такое заключеніе; и они — эти обстоятельства, мнѣнія и дѣйствія чрезвычайно благопріятствуютъ подтвержденію этого пароля нигилизма. И ужасно то, что чѣмъ люди болѣе развиты, болѣе мыслятъ и болѣе чувствуютъ

потребность въ дѣятельности, тѣмъ болѣе они ощущаютъ и сознаютъ что, въ общемъ нашемъ бытѣ, нѣтъ ничего твердаго, положительнаго, разумнаго — такаго, чѣмъ бы жизнь наша оживлялась и наше благосостояніе упрочивалось.

Всего мѣнѣе страдаетъ прямо отъ нигилизма — крестьянство: оно еще вѣруетъ въ ученіе нашей церкви и въ благость верховной власти. Но первая является ему въ видѣ церковнаго причта, требующаго за все деньги, объѣдающаго и опивающаго народъ, вовсе не занимающагося духовною паствою, справляющаго требы небрежно и машинально, а часто и предающагося разгулу и явнымъ порокамъ. Царь благъ и ничего кромѣ добра не можетъ желать народу; а являются исправники, становые и урядники, которые взятки требуютъ, тащутъ въ подати послѣднюю трудовую копѣйку, дерутся и позволяютъ себѣ всякія неправды и злоупотребленія. Невольно рождается въ крестьянинѣ сомнѣніе: уже настоящая ли церковь, къ которой онъ принадлежитъ? Не божественнѣе ли то согласіе, въ которое его приглашаютъ и гдѣ люди болѣе занимаются Божьими дѣлами?—Царь благъ, а какъ же его чиновники — такіе хапуны, беззаконники и безжалостники; ужъ видно прохожій или отставный солдатъ Егоръ правду сказалъ, что они исполняютъ не царскій указъ а свою злую волю. И такимъ образомъ сомнѣніе — нигилизмъ вкрадывается въ умъ и душу крестьянина. А недостатокъ въ

томъ или другомъ, несправедливость по одному дѣлу и оскорбленіе по другому, распахиваютъ и утучняютъ почву подъ развитіе церковныхъ расколовъ и безсмысленныхъ ослушаній и смутъ.

Въ мѣщанство и особенно въ купечество проникъ своего рода нигилизмъ: они, (за немногими исключеніями) становятся страшными матеріалистами — для нихъ деньги, — все, а остальное только къ нимъ прикладки. Деньги, по мнѣнію этихъ людей, доставляютъ обеспеченіе личныхъ и имущественныхъ правъ, почетъ и даже спасеніе души на томъ свѣтѣ. Цивилизація коснулась этихъ сословій, но самымъ поверхностнымъ и вредоноснымъ образомъ. Они приняли отъ нея нѣкоторыя внѣшности, ухватки и правила. Они, пожалуй, не прочь и полиберальничать, поругать власти, но, коли нужно, готовы холопствовать во всю ширь и глубь. Нравственность у большинства изъ нихъ шаткая: обмануть покупателя или заказщика или продавца, солгать или не сдержать слова или обѣщанія — все это считается какъ бы принадлежностями торговли и промышленности. Подкупить чиновника и откупиться отъ исполненія закона — и это въ порядкѣ вещей. Тутъ, твердаго, истинно добраго — очень мало; и для нигилизма — поприще вполнѣ благопріятное.

Дворянство у насъ есть сословіе или состояніе совершенно своеобразное. Геральдика у насъ не при чемъ: солдатъ, дослужившійся до генеральскаго

чина; мѣщанинъ или сынъ церковника, получившій, за свою бюрократическую службу, чинъ статскаго или дѣйствительнаго статскаго совѣтника; и купецъ достигшій этого же высокого титула какимъ-либо пожертвованіемъ — равны или считаются даже выше столбоваго дворянина, пропитывающагося своимъ трудомъ въ нижнихъ должностяхъ какого-либо казеннаго или общественнаго учрежденія. Прежде дворянство отличалось тѣмъ, что пользовалось привилегіею владѣнія крѣпостными людьми, и этимъ оно было подкуплено къ поддержанію существующаго порядка. Послѣ 1861 года, оно само не знаетъ что́ оно такое: дѣйствительныхъ правъ оно уже никакихъ не имѣетъ, и остались у него только воспоминанія и иллузіи. Съ народомъ оно не одно, и само по себѣ оно не есть что́-то. Считаетъ себя Русскимъ, а между тѣмъ, и въ образѣ жизни и даже въ убѣжденіяхъ, оно то Французъ, то Нѣмецъ, то Англичанинъ. Оно принадлежитъ къ православной церкви; но не горяча и не тверда его вѣра въ ея ученіе; нѣкоторые изъ его членовъ хватаются и за Редстоковъ; но вообще индеферентизмъ есть отличательное свойство его религіозныхъ убѣжденій. Нравственность дворянства до крайности шатка: и тутъ *ничего*, т. е. ни то, на сё, играетъ главную роль. Ни одно сословіе теперь такъ не недовольно, какъ дворянство: его положеніе противъ прежняго значительно ухудшилось — оно многого лишилось и, въ за-

мѣнъ, очень мало получило. Вообще можно и должно сказать, что тутъ, т. е. въ дворянствѣ, нигилизмъ весьма силенъ, и что если оно на стѣны не лезетъ, то и не расположено крѣпко защищать нынѣшній порядокъ вещей.

Про духовенство скажемъ только нѣсколько словъ. Оно не есть ни сословіе ни состояніе, а просто церковное чиновничество. Долженствуя исполнять высокія обязанности, оно относится къ нимъ очень небрежно и казенно; а потому и не пользуется въ народѣ ни авторитетомъ ни вліяніемъ ни почетомъ. Матеріальное положеніе духовенства незавидно: только нужда и свойственная человѣку лѣнь пополняютъ его ряды. Думаютъ, какъ слышно, исправить его нравственность, какими-то правилами, которыя имѣютъ быть составлены св. синодомъ; они усилятъ лицемѣріе и формализмъ, но болѣе ничего не произведутъ.

При такомъ общемъ положеніи, *ничего* живаго въ себѣ не содержащемъ, *ничѣмъ* людей существенно не оживляющемъ, и *ни къ чему* положительному не устремляющемъ — однимъ словомъ при такомъ общемъ мертвящемъ — нигилистическомъ положеніи, удивительно ли, что молодежь и нѣкоторые взрослые люди, или по убѣжденіямъ или изъ личныхъ видовъ, рѣшаются проповѣдовать общее разрушеніе, освобожденіе отъ всякихъ властей и даже совершаютъ самыя ужасныя преступленія, лишь бы себя и другихъ вывести изъ не-

выносимаго, насъ уничтожающаго бездѣйствія. Пустота и духота нашего быта — вотъ источники нигилизма — почва, на которой онъ развивается — причины, содѣйствующія его распространенію и укорененію. Ужасна крамола, но тяжко и общее наше положеніе. Первая есть грустное, уродливое, крайнее послѣдствіе и выраженіе послѣдняго.

II.

Мы взглянули на общее настроеніе нашихъ сословій или состояній; но имѣется нѣчто, много болѣе соединяющее или разъединяющее людей, чѣмъ эти закономъ установленныя перегородки. Это нѣчто заключается не въ организованныхъ партіяхъ или обществахъ, а въ различныхъ направленіяхъ, господствующихъ въ нашей умственной и нравственной гражданской дѣятельности.

Всѣ, безусловно всѣ граждане русской имперіи теперь недовольны; никто не стоитъ за удержаніе существующаго порядка вещей; всѣ чувствуютъ и сознаютъ необходимость его измѣненія; но въ способахъ и предѣлахъ переустройства нашего общественнаго и государственнаго быта — тутъ разногласіе полнѣйшее. Оно тѣмъ сильнѣе и рѣзче, что мы до крайности стѣснены въ средствахъ объясняться, высказывать и доказывать свои мнѣнія и опровергать чужія. Цензура, предсѣдатели совѣщательныхъ собраній и разныя административныя начальства, всегда стоятъ передъ нами, съ правомъ,

почти неограниченнымъ, запрета а отчасти и кары. Понятно, что при такихъ условіяхъ, печатно и въ узаконенныхъ собраніяхъ, высказывается очень мало и болѣе чѣмъ неполно и неоткровенно. Задержанныя мнѣнія и чувства не уясняются, взаимно не умѣряются, не осаживаются, а остаются въ головѣ и душѣ, въ видѣ мечтаній и пожеланій, возбуждаютъ и тревожатъ людей, и усиливаютъ въ нихъ требованія и недовольство.

Особенно рѣзко выказываются у насъ три направленія. Бѣда та, что ни одно изъ нихъ не выясняетъ своихъ мнѣній вполнѣ опредѣлительно; одни — по невозможяности, т. е. вслѣдствіе запретовъ и каръ цензуры; а другія предпочитаютъ оставаться при общихъ выраженіяхъ или потому, что они сами себѣ не уяснили своихъ мнѣній, или потому, что совѣстно положительно высказываться за строгія мѣры и въ пользу произвола. Мы начнемъ съ послѣдняго направленія. Воздержимся отъ собственныхъ именъ и даже отъ обозначенія повременныхъ изданій, въ которыхъ тѣ или другія мнѣнія проводятся.

Всѣхъ рѣзче и, разумѣется, всѣхъ смѣлѣе, хотя также довольно неопредѣленно, высказывается то направленіе, которое совѣтуетъ правительству принятіе энергическихъ и строгихъ мѣръ къ водворенію порядка въ управленіи, и къ ограниченію всякой гражданской и общественной самодѣятельности. Оно громитъ и земскія учрежденія и миро-

вые и общіе суды, и договоривается до того, что отвергаетъ пользу и потребность въ представительствѣ вообще, и находитъ существующее цензурное управленіе зараженнымъ общимъ недугомъ — либерализмомъ. Этому направленію рукоплещутъ нѣкоторые дворяне, сановники, чиновники и клубы; но съ отвращеніемъ къ нему относится большинство общества. Замѣчательно, что это направленіе, пользующееся, въ цензурномъ отношеніи, полнѣйшей свободою и даже какъ бы покровительствомъ, не рѣшается прямо предлагать какія либо положительныя мѣры, а ограничивается предоставленіемъ ихъ выбора и приведенія въ дѣйствіе не бюрократическому, не военному, а какому-то совершенно непонятному произволу. Спасибо и за это: оно явно тѣмъ доказываетъ свою несостоятельность и то, что еще не вполнѣ утратило нѣкоторую совѣстливость.

Въ противуположность этому направленію существуетъ другое, привлекающее къ себѣ, къ сожалѣнію, немало приверженцевъ, преимущественно изъ молодежи и изъ людей, которые почуяли общечеловѣческія гражданскія и общественныя потребности, но, по обстоятельствамъ тѣмъ или другимъ, не могли въ нихъ порядкомъ вникнуть и увлеклись ученіями, много обѣщающими, человѣка какъ-бы поднимающими, но въ дѣйствительности ничего положительнаго въ себѣ не содержащими. Въ началѣ, это направленіе всего болѣе питалось произведе-

ніями соціалистической и анархической литературы западной Европы и преимущественно брошюрами Бакунина. Не имѣя возможности печатно или словесно въ дозволенныхъ собраніяхъ, излагать и обсуживать вычитанныя мнѣнія, выслушивать на нихъ возраженія и вообще уяснить себѣ суть своихъ и чужихъ доводовъ, сторонники этого направленія тѣмъ усерднѣе и несдержаннѣе высказывали свои мнѣнія въ брошюрахъ, печатаемыхъ за границею, въ подпольныхъ листкахъ и въ тайныхъ бесѣдахъ. Кто имѣлъ возможность читать эти книжки и листки, тотъ не могъ не быть пораженнымъ ихъ нелѣпостью и пустозвонствомъ; а между тѣмъ, они производили дѣйствіе и даже не малое. Вотъ что значатъ чары запрещеннаго плода и тайно сообщенныхъ словъ! Особенно обеспечивало имъ успѣхъ и сильное дѣйствіе то, что обыкновенной печати было запрещенно даже говорить о запрещенныхъ книгахъ и ученіяхъ, и ихъ опровергать; да развѣ возможно опровергать мнѣнія людей, лишенныхъ права и средствъ отвѣчать? Подъ такою охраною и при такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, это направленіе не могло не развиваться, не распространяться, и все шире и глубже не проникать особенно въ молодежь, уже подготовленную къ воспринятію этихъ, хотя и ложныхъ, однако живыхъ ученій, безжизненностью, формализмомъ и несвойственностью русскому человѣку,

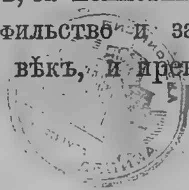
той системы обученія, которая цѣлыя 15 лѣтъ тяготѣла подъ нашими учебными заведеніями.

Самое распространенное и числящее въ своихъ рядахъ всего болѣе сторонниковъ есть направленіе, называемое либеральнымъ. Въ послѣднее время, вздумали его принижать, надъ нимъ издѣваться, его бронить и укорять въ чужеземности, въ повтореніи чужихъ и затвержденныхъ фразъ, въ поверхносности и въ невѣденіи того, что́ именно нужно для нашего народа и нашей земли. Нѣкоторые изъ этихъ упрековъ, до извѣстной степени, справедливы; но свободны ли отъ нихъ тѣ люди, которые всего болѣе и всего ожесточеннѣе нападаютъ на либерализмъ вообще и превращаютъ его въ бранное слово? Мы уже прежде сказали, что поверхносность, малое знаніе нашей страны и нашего народа, и крайняя неопредѣленность въ понятіяхъ и выраженіяхъ, составляютъ общіе недостатки нашей умственной дѣятельности; въ этомъ, думаемъ, всѣ направленія болѣе или менѣе виновны; и виновны въ этомъ мѣнѣе люди, чѣмъ обстоятельства, въ которыхъ они находятся. Ни въ печати, ни въ земскихъ, городскихъ и иныхъ узаконенныхъ собраніяхъ, нѣтъ возможности свободно говорить и откровенно излагать свои мысли и чувства. Строжайше теперь запрещено касаться общаго народнаго представительства, общей земской думы, земскаго собора, конституціи и другихъ существенныхъ вопросовъ. При нынѣшнихъ обстоятель-

ствахъ, при общей неизвѣстности и неопредѣленности нашего положенія, и при всѣми ощущаемой потребности его узнать, устроить и упрочить, возможно ли не затрогивать и не обсуждать упомянутыхъ вопросовъ? Отъ этого происходятъ недомолвки, неясности и повторенія чужихъ словъ и мыслей. Послѣднее есть даже средство выражать свое мнѣніе приведеніемъ мѣстъ изъ авторитетныхъ иностранныхъ писателей; чтó цензурою благосклонно допускается. Либералы неясно, не полно, не положительно высказываютъ свои мнѣнія; но кто же ихъ выражаетъ вполнѣ опредѣлительно? Во всякомъ случаѣ, недобросовѣстно укорять въ этомъ одно либеральное направленіе. Не умѣстно ли тутъ примѣненіе эвангельской притчи, о сучкѣ и бревнѣ? Либеральное направленіе высказывало и высказываетъ всего болѣе положительныхъ и къ дѣлу приложимыхъ мыслей; и если Россія сколько-нибудь двинулась впередъ въ частномъ, общественномъ и государственномъ отношеніи, то это конечно всего болѣе по милости либеральнаго направленія и съ нимъ, въ весьма многомъ, согласнаго прежняго такъ называемаго славянофильства; но виновато ли ученіе Христово съ томъ, что жгли эретиковъ? — Не нравятся многимъ иностранныя слова: „либерализмъ,“ „либералъ“ и „либеральное“; такъ придумайте русскія слова, которыя бы выражали стремленіе къ обеспеченію людямъ того, чтó имъ, въ гражданскомъ отношеніи, всего дороже — сво-

боду мысли, слова и дѣйствія, и которыми могли бы обозначаться приверженцы этого стремленія и все къ нему относящееся; а пока перестаньте надъ ними издѣваться и ихъ ругать. Впрочемъ охотно предоставляемъ вамъ на осмѣяніе и обруганіе — *либеральничаніе;* оно также противно либерализму, какъ фарисейство и ханжество противны истинной религіозности.

Не можемъ не упомянутъ еще объ одномъ направленіи, которое хотя считаетъ въ своей средѣ не много сторонниковъ и до сихъ поръ очень неопредѣленно высказываетъ свои мнѣнія, однако имѣетъ въ обществѣ нѣкоторое значеніе. Оно стоитъ за свободу совѣсти, мысли и слова, за земскій соборъ, за свободное развитіе русской жизни, и пр.; слѣдовательно, оно какъ будто сродственно либерализму и даже съ нимъ едино; но оно его ругаетъ и ничего общаго съ нимъ имѣть не желаетъ; въ этомъ оно сходится какъ-бы съ первымъ направленіемъ. Мы, въ нашемъ пониманіи, эти два направленія т. е. первое, нами очерченное и это, теперь излагаемое, вовсе не отожествляемъ, и думаемъ, что послѣднее зиждется на недоразумѣніи и что, по свойствамъ и убѣжденіямъ, оно едино съ настоящимъ либерализмомъ. Оно само считаетъ себя славянофильствомъ; противники называютъ его неославянофильствомъ; а мы считаемъ, за немногими личными исключеніями, и славянофильство и западничество, уже отжившими свой вѣкъ, и превратив-



шимися или превращающимися въ русское, съ разными, къ сожалѣнію, еще довольно значительными разнорѣчіями и оттѣнками, либеральное направленіе.

Изъ вышеизложеннаго, кажется, очевидно, что главною причиною разъединенія у насъ людей и зыбкости ихъ мнѣній, есть отсутствіе возможности свободно и вполнѣ откровенно излагать свои мнѣнія и точно также опровергать чужыя. Это усиливаетъ рознь въ нашемъ мыслящемъ обществѣ, неопредѣленность въ его воззрѣніяхъ и стремленіяхъ, и общее недовольство; что́ особенно полезно и поощрительно для нигилистическаго направленія, и чрезвычайно вредно для правительства и для людей, желающихъ свободно и разумно обсудить настоящія потребности нашей страны.

III.

Обратимъ теперь вниманіе на наше положеніе въ частномъ, общественномъ и правительственномъ отношеніи.

Мы не остановимся долго на нашемъ частномъ бытѣ, хотя о немъ можно и слѣдовало бы говорить очень и очень много. Онъ служитъ основаніемъ всему, ибо каковы мы сами въ себѣ, у себя дома и въ сношеніяхъ съ другими людьми, таковы мы и граждане. Нашъ частный бытъ, и въ высшихъ и въ среднихъ и въ низшихъ слояхъ народа, потрясенъ, разшатанъ, обезображенъ — сущест-

венно и значительно; и въ этомъ отношеніи, мы идемъ впередъ быстро и неудержимо. Вѣра, основа всего, и нравственность изъ нея исходящая и ею оживляемая, поколеблены и ослаблены. Мы числимся православными христіанами, а между тѣмъ, ученіе нашей церкви знаемъ плохо, и одни изъ насъ — интелигенція — становятся къ религіи все болѣе и болѣе равнодушными; а другіе — большинство — собственно народъ — постепенно уклоняются въ расколъ, гдѣ находятъ болѣе жизни и лучшее удовлетвореніе своихъ духовныхъ потребностей. Эгоизмъ, страсть къ наживѣ, надувательство, отсутствіе правды и любьви къ ближнему — становятся отличительными свойствами нашего развивающагося быта. Тутъ обширное поприще дѣятельности для проповѣдниковъ и моралистовъ, и для изобличительной литературы; сверхъ того, тутъ обязанность каждаго изъ насъ въ отношеніи къ себѣ и другимъ; но въ настоящемъ случаѣ, мы ограничимся задачею болѣе тѣсною — общественнымъ и политическимъ бытомъ русскаго гражданина.

Мы имѣемъ городскія и земскія учрежденія для завѣдыванія нашими мѣстными общественными дѣлами. Изъ первыхъ, т. е. изъ городскихъ, ни въ столицахъ, ни въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, мы не знаемъ ни однаго, которое вело бы дѣла порядочно; и только не можемъ сказать, кто хуже исправляетъ свои обязанности — думы или

управы. Даже въ Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ и другихъ значительныхъ городахъ, думы ограничиваются избраніемъ безчисленныхъ коммиссій, болтавнею, безурядицею, и скомкованіемъ дѣлъ срочныхъ; а управы довольствуются бюрократическою очисткою входящихъ бумагъ. Что же касается до городскаго хозяйства, до пользъ и удобствъ обывателей, то объ этомъ никто и не думаетъ, какъ о дѣлахъ посторонних и вполнѣ отложныхъ. Конечно самое Городское Положеніе, предоставившее предсѣдательство въ контролирующемъ учрежденіи предсѣдателю учрежденія контролируемаго; дарованіе голоса на выборахъ прикащикамъ и лицамъ, платящимъ по 2 рубли и мѣнѣе въ городскій доходъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, исключеніе изъ городскихъ выборщиковъ и избранниковъ всѣхъ нанимателей квартиръ — т. е. большинства интеллигенціи — эти обстоятельства всего болѣе виновны въ неудовлетворительномъ ходѣ городскаго самоуправленія. Однако всю вину на нихъ свалнвать нельзя: и въ нынѣшнихъ избирателяхъ и избранникахъ могли бы быть люди, заботящіеся объ исполненіи общественныхъ обязанностей. Къ сожалѣнію, у насъ въ городахъ мало связи между обывателями и отсутствіе животворящаго общественнаго духа.

Земскія учрежденія идутъ нѣсколько лучше чѣмъ городскія; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ они идутъ даже такъ хорошо, какъ при существую-

щихъ условіяхъ, они только могутъ идти. Въ самомъ Положеніи 1864 года имѣются значительные недостатки: предсѣдательство въ земскихъ собраніяхъ не лицъ, ими избранныхъ, а сословныхъ избранниковъ — предводителей дворянства; выборъ гласныхъ отъ крестьянъ не по волостямъ а по какимъ-то сочиненнымъ округамъ, и притомъ не исключительно изъ среды самыхъ избирателей, какъ то установлено для землевладѣльцевъ и для горожанъ, а изъ лицъ всѣхъ сословій, а потому большею частью изъ искателей званія гласныхъ по личнымъ видамъ; возложеніе обширныхъ обязанностей на земскія учрежденія и непредоставленіе имъ почти никакой исполнительной власти; и еще многія другія ошибочныя и стѣснительныя статьи Положенія, значительно вредятъ развитію земскаго самоуправленія. Отдѣльныя, впослѣдствіи изданныя узаконенія о предоставленіи предсѣдателямъ почти диктаторской власти въ засѣданіяхъ, объ ограниченіи права обложенія разныхъ патентовъ и свидѣтельствъ, и многія другія постановленія, и въ особенности разные министерскіе циркуляры почти вовсе изуродовали земское самоуправленіе. Къ охлажденію земцевъ къ правамъ имъ предоставленнымъ, также содѣйствовало почти постоянное оставленіе, безъ удовлетворенія и почти безъ всякаго вниманія, ходатайствъ уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраній. Все это существенно и сильно вредило земству и остановливало

его развитіе. Къ чести нѣкоторыхъ земствъ можно и должно сказать, что они не теряли надежды на лучшія времени въ будущемъ, и продолжали трудиться. Въ этомъ значительно поддерживалъ ихъ первый департаментъ сената: онъ оставлялъ безъ послѣдствій большинство губернаторскихъ протестовъ, а иногда и возстановлялъ законность, нарушавшуюся нерѣдко министерскими циркулярами. Какъ ни тяжки, въ этомъ отношеиіи, были времена владычества гг. Валуева, Тимашева и Макова, земства, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ нихъ, не унывали и не покидали своего дѣла. Но отрадны тутъ только изключенія; вообще же земское дѣло, странно поставленное въ отношеніи къ администраціи и ея агентамъ, и считавшееся ими какъ бы правительству враждебнымъ, не могло какъ слѣдовало развиваться и возбуждать въ населеніи животворную дѣятельность.

Верховная власть, какъ олицетвореніе всего общества — всего народа, не можетъ конечно не быть благонамѣренною и не стремиться къ осуществленію общаго блага; но она одна, сама по себѣ, какъ бы премудра и доброжелательна ни была, ничего сдѣлать не можетъ; ей необходимы совѣтники и помощники, и притомъ такіе, которые бы хорошо знали область дѣятельности и дѣйствовали не въ своихъ личныхъ а въ общихъ интересахъ страны. Находится ли наше Правительство въ такомъ благодатномъ положеніи?

Мы видимъ, въ нашей странѣ, цѣлый и притомъ огромный отдѣлъ ея жителей, который существуетъ какъ бы отдѣльно отъ прочаго населенія, считая себя его начальствомъ, иногда относясь къ нему даже враждебно, и бумажно производя его административныя дѣла. Собственно дѣла, какъ они дѣйствительно происходятъ, мало интересуютъ бюрократію. Она ихъ и знать не хочетъ; для нея важны бумаги, ихъ полученіе и очистка. Для нея непріятно, тяжело, даже оскорбительно когда ей доказываютъ, что дѣла происходили иначе, чѣмъ какъ они значатся въ бумагахъ. Да и времени ей нѣтъ входить въ пониманіе и разборъ дѣйствительныхъ обстоятельствъ дѣлъ; дай Богъ ей справиться и съ тѣми, которыя такъ или сякъ изложены въ полученныхъ донесеніяхъ или отчетахъ. А къ умноженію ихъ сильно содѣйствуютъ: и огромное пространство нашей имперіи, и страшная отдаленность центра отъ большинства ея мѣстностей, и безсмысленность уже прежде сдѣланныхъ распорядковъ. Наши распорядки, т. е. какъ законы, такъ и циркулярныя и отдѣльныя предписанія гг. министровъ, губернаторовъ и другихъ начальствъ имѣютъ замѣчательныя свойства: они почти никогда ничего ясно не приказываютъ, рѣдко прямо относятся къ дѣлу, болѣе его запутываютъ чѣмъ разъясняютъ, и всякое предписаніе необходимо порождаетъ цѣлое потомство новыхъ разъясненій и пополненій. Это вполнѣ естественно

и понятно: собственно дѣла вверху мало или превратно извѣстны; приказанія даются неудобоисполнимыя или неясныя, а иногда и вовсе непонятныя; посредствующія звенія начальства, каждое по своему, ихъ исполняетъ, поясняетъ и пополняетъ; и изъ этого выходитъ такая путаница, что подъ конецъ никто ничего не понимаетъ и всякій дѣйствуетъ какъ попало. Хорошо еще, если только непониманіе причиною неисполненія полученныхъ приказаній, а нерѣдко личныя выгоды порождаютъ разнаго рода злоупотребленія, и тогда еще много хуже. Таковъ ходъ нашей администраціи сверху до низу, вездѣ, а не гдѣ либо въ видѣ изключенія. Плохо наше общественное управленіе, но казенное еще много хуже; и надо дивиться какъ дѣла вообще у насъ еще идутъ и какъ люди еще пробавляются.

Какъ тутъ нигилизму не процвѣтать?

IV.

Мы окинули бѣглымъ взглядомъ наше положеніе во многихъ отношеніяхъ, но есть одно, о которомъ мы еще не упоминали. Хотя это отношеніе, а именно финансовое, въ высшемъ человѣческомъ смыслѣ и не есть главное, но его требованія такъ настоятельны и неустранимы, что нельзя не обратить на него особеннаго вниманія.

Крестьяне, несмотря на свое освобожденіе отъ крѣпостной зависимости, страшно бѣдствуютъ, и

ихъ положеніе видимо и все болѣе и болѣе ухудшается. Хотя казалось бы невѣроятнымъ, что теперь они болѣе нуждаются чѣмъ то было при крѣпостномъ правѣ, однако это оказывается несомнѣннымъ. Теперь никто объ нихъ не заботится, а сами они, и по плохо устроенному ихъ самоуправленію и по милости полиціи и по недостатку развитія и по многимъ другимъ причинамъ, лишены возможности дѣлать что-либо существенное для улучшенія своего быта. Подати и сборы съ нихъ, съ 1861 года, болѣе чѣмъ удвоялись: казенныя налоги увеличились, и въ добавокъ явились общественные, земскіе и страховые сборы. Къ тому же, во многихъ мѣстностяхъ, выкупные или оброчные платежи значительно превышаютъ доходы, получаемые отъ земли. Обѣщана, тому болѣе десяти лѣтъ назадъ, отмѣна подушной подати; но годы проходятъ, а дѣло это нисколько не подвигается. Теперь отмѣненъ соляный налогъ, но въ замѣну его поднятъ акцизъ на вино по 40 коп. на ведро — акцизъ, платимый почти исключительно крестьянами; и выходитъ на повѣрку, что сложено съ крестьянъ отъ 8 до 10 мил. а набавлено на нихъ отъ 15 до 20 мил. — Поля крестьянскія видимо истощаются, а это совершается тѣмъ быстрѣе и повсѣмѣстнѣе, что падежи учащаются отъ усиленія сношеній въ народонаселеніи. Крестьяне тѣмъ болѣе нуждаются въ землѣ, чѣмъ народоселеніе увеличивается а поля становятся все мѣнѣе

и мѣнѣе производительными; а къ улучшенію обработки, они рѣшительно средствъ не имѣютъ.

Незавидно положеніе и прежнихъ помѣщиковъ — нынѣшнихъ землевладѣльцевъ: по большой части они не имѣютъ денежныхъ средствъ для надлежащего, т. е. хотя нѣсколько улучшеннаго и слѣдовательно болѣе доходнаго веденія хозяйства; но и тѣ, которые ихъ имѣютъ, боятся ихъ употребить, зная какъ трудно имѣть дѣло съ рабочими, какъ воровства и поджоги часты, и какъ полиція плохо охраняетъ безопасность лицъ и ихъ имуществъ. Землевладѣльцы предпочитаютъ отдавать свои земли въ наемъ или исполу, а сами бѣгутъ изъ деревень и ищутъ службы или казенной или земской или компанейской; и наши уѣзды, съ каждымъ годомъ, все болѣе и болѣе пустѣютъ. Этому сильно содѣйствуютъ и необезпеченность деревенскаго быта вообще отъ произвола полиціи и губернаторовъ.

Промышленность и торговля у насъ вовсе не процвѣтаютъ: капиталовъ вообще мало; въ знаніяхъ техническихъ и коммерческихъ большой недостатокъ; и къ тому же — полная необеспеченность нашего быта, неизвѣстность что́ будетъ завтра, и самыя произвольныя дѣйствія администраціи и въ особенности полиціи. При такихъ условіяхъ, возможно ли рѣшаться на прочное устройство дорого стоющихъ фабрикъ и заводовъ? Внезапно, ни съ того ни съ сего, могутъ быть измѣнены тарифныя

пошлины; генералъ-губернаторы имѣютъ право издавать Богъ вѣсть какія постановленія; а полиція, вооруженная произволомъ и прикрытая безотвѣтственностью, можетъ, по своему усмотрѣнію, разогнать, съ промышленныхъ заведеній, рабочихъ, техниковъ и управляющихъ. Если это не часто случается, то только по милости русскаго добродушія или взятокъ, которыми заводчики и фабриканты считаютъ долгимъ угощать власть предержащихъ. Упадокъ и измѣнчивость нашего денежнаго курса также сильно препятствуютъ развитію нашихъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій. Сверхъ того, существующіе по этимъ частямъ законы давно устарѣли и вовсе не соотвѣтствуютъ потребностямъ настоящаго времени; давно обѣщали пересмотръ постановленій о торговой несостоятельности, объ отношеніяхъ между рабочими и хозяевами, и пр.; обѣщали, но все остается при тѣхъ же утратившихъ всякій смыслъ законоположеніяхъ. А желѣзныя дороги, ведущія свои дѣла въ исключительную и часто вовсе неразумно понятую собственную выгоду, развѣ мало вредятъ успѣхамъ промышленности и торговли? Вообще надъ ними тяготѣютъ, какъ и надо всѣмъ, неизвѣстность, необеспеченность и произволъ.

Но хуже и безалабернѣе всего ведутся у насъ дѣла собственно по государственнымъ финансамъ: тутъ мракъ, нелѣпость, отсутствіе добросовѣстности — не имѣютъ границъ. Расходы, налоги и

сборы ростутъ постоянно и усиленно, какъ будто народныя силы безпредѣльны и должны служить только прихотямъ казны; и вмѣстѣ съ тѣмъ, мы безпрестанно слышимъ, что того или другого устроить, измѣнить или ввести нельзя „за недостаткомъ денежныхъ средствъ." Замѣчательно, хотя и прискорбно: чѣмъ вещь необходимѣе, тѣмъ для осуществленія ея мѣнѣе свободныхъ суммъ; и на оборотъ. Такъ введеніе новыхъ судебныхъ учрежденій тамъ, гдѣ еще остаются прежнія; открытіе университетовъ, гимназій, городскихъ и другихъ училищъ, гдѣ въ нихъ крайняя необходимость; прорытіе каналовъ, устройство шоссейныхъ дорогъ, и пр. разрѣшаются очень туго и по большей части отсрочиваются до будущихъ временъ; а выдача „субсидій" часто ненужныхъ и даже злоупотребительныхъ, постройки совершенно излишнихъ зданій, уплаты частныхъ долговъ разныхъ сановниковъ или ассигновки имъ пенсій и наградъ и пр. производятся безпрепятстенно. Въ этомъ отношеніи есть надежда и, думаемъ, твердая, что въ нынѣшнее царствованіе, эти расхищенія нѣсколько сократятся, и что будутъ дорожить деньгами, собранными съ народа; но что̀ сможетъ исполнить воля даже Самодержца при существующемъ общемъ административномъ развратѣ? Будутъ отказы, побоятся входить съ нѣкоторыми докладами; но наша бюрократія такъ искусна, изобрѣтительна и могуща, что она свое отстоитъ, и легко черное явится бѣлымъ.

Нужно коренное преобразованіе, а частныя, исключительныя мѣры мало помогутъ. — Печатаются теперь смѣты и отчеты; конечно это лучше прежняго храненія ихъ въ тайнѣ; но что́ мы изъ нихъ видимъ? Рубрики, цифры и итоги, и болѣе ничего; да и государственный совѣтъ, получающій кипы спеціальныхъ бюджетовъ, едва ли видитъ много больше насъ. Дѣло въ дѣлѣ а не въ бумагахъ, даже печатныхъ. Сами министры, обремененные подписью отношеній, предложеній и докладовъ, разными засѣданіями и пріемами, и въ особенности необходимыми охранительными или наступательными интригами, едва ли иначе какъ вскользь просматриваютъ свои бюджеты. Главный недостатокъ, существенный порокъ нашего управленія заключается не въ отдѣльныхъ упущеніяхъ и злоупотребленіяхъ, а въ общемъ духѣ бюрократизма, обособленности, отчужденности отъ страны, имъ управляемой, и въ мнѣніи что не оно существуетъ для страны, а она имѣется ради его существованія — ради его пользъ и выгодъ. Умножаются правительственныя учрежденія, прибываетъ число чиновниковъ и ростетъ количество отправляемыхъ и получаемыхъ бумагъ; а безпорядки, злоупотребленія и общая безтолочь еще въ несравненно бо́льшей пропорціи усиливаются и распложаются. Учреждена коммиссія съ цѣлью сокращенія государственныхъ расходовъ; составлена она изъ лицъ честныхъ, благонамѣренныхъ и пользующихся об-

щею доброю славою. И что же? Она ничего не сдѣлала въ цѣлые два года, и едва ли въ состояніи что́ сдѣлать въ будущемъ. Бюрократически, безъ преобразованія всего строя нашего управленія, ничего существеннаго, истинно производительнаго совершить невозможно. Этимъ убѣжденіемъ надо глубоко проникнуться, и только тогда можно чего-либо ожидать.

Да! наше положеніе вообше — ужасное, почти въ отчаяніе приводящее и на первый вопросъ: гдѣ мы? — должны и не можемъ иначе отвѣтить — на краю пропасти.

V.

Оставаться въ нынѣшнемъ положеніи неизвѣстности, недоумѣній и бездѣйствія — совершенно невозможно. Нужды самыя ѣдкія и неотложныя требуютъ скорѣйшаго рѣшенія и удовлетворенія. Необходимо избрать путь и идти по немъ прямо— безъ колебаній.

Имѣются два пути: одинъ, ведущій впередъ, требующій преобразованій и нововведеній, и устремляющій къ обеспеченію благосостоянія бо́льшаго по возможности числа жителей — путь сперва избранный покойнымъ Императоромъ, удержанный имъ въ первые десять лѣтъ его царствованія, оживившій Россію и обѣщавшій ей много добраго въ будущемъ. Другой путь есть, если и непонятный,

который, къ счастью людей, невозможенъ, то такой, который задерживаетъ естественное теченіе жизни; онъ называетъ себя консервативнымъ или охранительнымъ, а на дѣлѣ оказывается самымъ возбудительнымъ и разрушительнымъ, ибо непремѣнно вызываетъ революціонизмъ и нигилизмъ. Этотъ путь у насъ особенно выхвалается и покровительствуется многими людьми, власть предержащими, нѣкоторыми дворянами, еще не помирившимися съ отмѣною крѣпостнаго права, и вообще личностями, руководящимися въ дѣлахъ общихъ, эгоизмомъ и любовью къ произволу. Казалось, что тридцатилѣтіе съ 1825 по 1855 и пятьнадцатилѣтіе съ 1866 по 1880 годъ должны были окончательно излѣчить ихъ отъ всякихъ поползновеній къ возвращенію на этотъ злосчастный путь; но видно есть люди неизлѣчимые. Между ними имѣются конечно и личности честныя и благонамѣренныя, но очевидно, что не ихъ удѣлъ заправлять государственными дѣлами или имѣть полезное вліяніе на ихъ веденіе.

Знаемъ, что, въ настоящее время, сильно нападаютъ на либерализмъ и ему приписываютъ всѣ постигшія насъ злополучія. Мы, напротивъ того, думаемъ что они приключились главнѣйше отъ того, что его покидали, недостаточно и непостоянно его придерживались. Были времена, когда матеріальная сила и власть господствовали надо всемъ, и когда права личности и потребность въ свободѣ ощуща-

лись только немногими, особенно энергичными и развитыми людьми. Теперь времена иныя, и ихъ измѣнить или вспять повернуть не дано никому — ни людямъ ни правительствамъ. Теперь потребность въ свободѣ, въ самобытности, въ обеспеченіи правъ личныхъ и имущественныхъ — ощущается чуть-чуть не всѣми. Встрѣчаемыя въ томъ ограниченія или препятствія не умаляютъ, не сокращаютъ этой потребности, а напротивъ того, ее возбуждаютъ, раздражаютъ и усиливаютъ. Гдѣ коли не въ Англіи, странѣ самой полной и постоянной свободы, было, въ нынѣшнемъ столѣтіи, всего мѣнѣе революціонныхъ движеній? А развѣ освобожденіе крѣпостныхъ людей сопровождалось у насъ тѣми смутами и кровопролитіями, какими насъ стращали противники этой реформы? Нѣтъ! не удовлетвореніе потребностей ихъ усиливаетъ, а отказъ въ немъ — задержки и препятствія ему поставляемыя. Еще ужасно вредно, убійственно дѣйствуетъ на людей система откладыванія или колебаній между тѣмъ и другимъ способами дѣйствія. Это едва ли на злосчастнѣе самаго худшаго рѣшенія.

VI.

Куда же и какъ идти?

На счетъ этого не можетъ, кажется, быть ни сомнѣнія ни колебанія. Стоитъ только нѣсколько всмотрѣться въ нужды страны, и становится яснымъ,

какъ день, путь намъ предлежащій. Еще могъ покойный Государь временить и откладывать; въ первые годы царствованія, Имъ было совершено такъ много добраго и великаго, что онъ имѣлъ право сказать: довольно; пусть довершаетъ мой преемникъ. И это Его рѣшеніе было злополучное; и Онъ, въ послѣдній годъ своей жизни, имѣлъ мужество отъ него отказаться. Новое же царствованіе не можетъ начаться откладываніями и колебаніями. Одни враги Государя и отечества могутъ, въ этомъ смыслѣ, давать совѣты. Нѣтъ! мы вѣруемъ въ Самодержавіе; вѣруемъ въ свойства души и ума нашего Самодержца; и не сомнѣваемся въ томъ, что Онъ сочувственно отнесется къ нашимъ нуждамъ, вникнетъ въ нихъ и изберетъ тотъ единственный путь, который ведетъ къ ихъ облегченію и возможному удовлетворенію. Въ этой полной увѣренности, какъ граждане и вѣрноподданные, считаемъ долгомъ, по лучшему нашему разумѣнію, указать тѣ главнѣйшія нужды, которымъ необходимо, въ скорѣйшемъ времени, пособить.

I. Во главѣ нашихъ нуждъ, мы становимъ то, что́ многимъ, пожалуй, покажется страннымъ и невѣрнымъ, а именно: нужду въ свободѣ печатнаго слова. Развѣ, скажутъ они, крестьянство, купцы, мѣщане и даже большинство дворянъ страдаютъ отъ того, что цензура строга и безсмысленна, и что многаго нельзя высказывать въ печати? Да, отвѣтимъ мы имъ, люди не пишущіе и даже не чита-

ющіе еще болѣе страдаютъ отъ недостатка этой свободы, чѣмъ сами пишущіе. Наша администрація готова оставлять въ покоѣ людей „безпокойныхъ“ и „неблагонадежныхъ“, лишь бы они не мѣшали ей стричь овецъ и доить коровъ. Безъ свободы печати нѣтъ удержи злоупотребленіямъ. Наказывайте по суду за дерзкія, возмутительныя и безнравственныя рѣчи; но дайте людямъ вообще возможность высказывать ихъ чувства и мысли, доводить до общаго свѣденія о происходящихъ неправдахъ и бороться съ крамолою, безнравственностью и безбожіемъ, дерзко, хотя и въ тайнѣ, но тѣмъ успѣшенѣе, у насъ дѣйствующими и распространяющимися. Достаточно, кажется, испробованы средства противуположныя — цензуры, тайная и явная полиціи; и къ чему онѣ насъ привели? Для ложныхъ и вредныхъ ученій, запрещенія суть только поощренія и средства къ усиленію и распространенію ихъ дѣйствій. Запрещенные листки или книжки читаются тысячами людей, и притомъ такими, которые, безъ прелести запрета, и не подумали бы ихъ взять въ руки. Неужель многолѣтній опытъ еще недостаточно въ этомъ убѣдилъ? Теперь безпрестанно разсылаются циркуляры съ воспрещеніемъ повременнымъ изданіямъ говорить о томъ, другомъ, десятомъ; расточаются предостереженія и пріостановки разничной продажи и даже выхода самыхъ изданій; что же этимъ достигается? Говорятъ о запрещенномъ или иносказательно или

между строкъ, или хотя и не говорятъ печатно, но стоустая молва разноситъ слухи и разсказы, которые въ печати никогда не посмѣли бы появиться.

Въ послѣдніе мѣсяцы окончившагося царствованія, обращено было вниманіе на эту нашу нужду. Образована была коммиссія для начертанія проекта закона по дѣламъ печати; вызваны были въ засѣданіе коммиссіи редакторы главныхъ періодическихъ изданій, и дѣло пошло въ ходъ. Говорятъ, что и самый проектъ уже составленъ; но послѣ 1го марта, дѣло какъ будто пріостановилось. Теперь множатся циркуляры, предостереженія и запрещенія; печать замѣтно помертвѣла, и только одно, два изданія тѣмъ дерзче и безсмысленнѣе орутъ во всю глодку и возбуждаютъ общее негодованіе (видно они пользуются особыми какими-то правами)*). — Изданіе закона о печати, распространеніе на провинціи права печатать безъ цензуры и подчиненіе суду проступковъ по печати — составляютъ, въ настоящее время, нужду кровную, и удовлетвореніе ея совершенно неотложно.

*) Послѣдовавшія на этихъ дняхъ пріостановки „Голоса“ и „Русскаго курьера“ на 6 и 4 мѣсяца, и особенно первой газеты, поразили удивленіемъ (чтобы не сказать болѣе) огромное большинство читающей публики. Причины къ запрещеніямъ — явно придуманныя и не настоящія. Что же это значитъ? Неужель всѣ газеты и журналы должны издаваться въ одномъ только направленіи, т. е. въ томъ, которому сочувствуютъ люди сегодня состоящіе во власти? Такія изданія немного принесутъ пользы ни Верховной власти ни народу: они могутъ только вводить въ заблуж-

II. Другая, такая же крайняя нужда заключается въ обеспеченіи нашей личности. Законами это обеспеченіе положительно утверждено; но на дѣлѣ выходитъ иначе. Теперь конечно 3го отдѣленія, въ оффиціальномъ видѣ, уже нѣтъ; но не остается ли оно въ замаскированномъ видѣ? Генералъ-губернаторы, да, кажется, и не одни они, облечены правами почти неограниченными по высылкѣ Богъ вѣсть куда людей „неблагонадежныхъ,“ по производству у нихъ обысковъ и по ихъ арестованію. Конечно теперь времена и обстоятельства чрезвычайныя; но ихъ продолжить можно долго, очень долго; а попасть въ число „неблагонадежныхъ“ такъ легко, какъ выпить стаканъ воды. Спросите „Московскія вѣдомости“; онѣ, кромѣ себя и своихъ, все остальное человѣчество включатъ въ этотъ разрядъ. Права, предоставленныя генералъ-губернаторамъ и проч., не знаю, много ли

деніе первую, и усиливать недовольство и негодованіе читающей части послѣдняго.

На дняхъ введенъ еще новый способъ укращенія печати: вслѣдствіе отношеній министра внутренныхъ дѣлъ къ генералъ-губернаторамъ, призываются послѣдными редакторы повременныхъ изданій для выслушанія внушенія, что въ Петербургѣ недовольны направленіемъ ихъ газеты или журнала, и что если они его не измѣнятъ или вообще не будутъ сдержаннѣе, то ихъ изданія будутъ пріостановлены или вовсе запрещены.

Спрашивается: возможно ли идти далѣе въ стѣсненіи печати? И это — въ первый годъ новаго царствованія, при повторяемыхъ призывахъ народа къ единенію съ правительствомъ и при необходимости общаго ихъ дѣйствія противъ крамолы!

принесли пользы для открытія и укрощенія крамолы; но извѣстно, что въ Одессѣ и еще кой-гдѣ, они значительно потревожили народонаселеніе, даже самое благонадежное. Слово: „неблагонадежный" есть слово ужасное: оно открываетъ произволу поприще безграничное; кого подъ него нельзя подвести? — Говорятъ, что теперь образована коммиссія для составленія свода чрезвычайныхъ мѣръ или правилъ, которыя, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, будутъ принимаемы. Сомнѣваюсь въ возможности и пользѣ такого труда. Конечно немудрено составить сводъ изъ высочайшихъ повелѣній, уже состоявшихся по сему предмету; но во 1^{хъ}, они, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, давались въ выраженіяхъ весьма общихъ и мало опредѣленныхъ; а во 2^{хъ}, развѣ можно предвидить *всѣ* чрезвычайные случаи и *всѣ* мѣры какія они потребуютъ? Произволъ, предоставляемый, въ крайнихъ чрезвычайныхъ случаяхъ, нѣкоторымъ лицамъ не можетъ быть никакими буквами ограниченъ. Вредъ его можетъ быть предъупрежденъ выборомъ лицъ и ограниченъ кратновременностью предоставляемой власти. Къ прискорбію, бываютъ ошибки и въ первомъ отношеніи; что же касается до послѣдняго, то у насъ *временное* какъ-то долговѣчнѣе того, что мы устанавливаемъ на всегда. Были у насъ объявлены осадныя положенія; они длились долго, очень долго, и не знаю, прекращены ли нѣкоторыя изъ нихъ и теперь. Конечпо, въ настоящее время, еще нельзя

считать крамолу укрощенною и подавленною; но одними полицейскими и карательными мѣрами, мы этого и не достигнемъ. А между тѣмъ, существующее чрезвычайное положеніе стѣсняетъ, тревожитъ, лишаетъ всякаго спокойствія и обеспеченности, и самую мирную, благонадежную часть населенія. Необходимо и безъ всякаго отлагательства принять мѣры дѣйственныя къ востановленію законнаго порядка и общаго спокойствія въ государствѣ; а это можетъ быть достигнуто только удовлетвореніемъ общихъ нуждъ населенія, и, чрезъ то, отнятіемъ у крамолы почвы для ея развитія и распространенія.

III. Производство обязательнаго выкупа тѣхъ земельныхъ надѣловъ, которыхъ крестьяне до сихъ поръ остаются во временнообязанныхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ, и уменьшеніе выкупныхъ платежей по тѣмъ землямъ, по которымъ платежи превышаютъ ихъ настоящую стоимость — суть также нужды настоятельныя и вполнѣ неотложныя. Огромное большинство — $^5/_6$ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ стали теперь собственниками земли, ими заселяемой и обработываемой, и для нихъ прежніе помѣщики — только сосѣды; а $^1/_6$ или около того этого населенія остается въ обязательныхъ отношеніяхъ къ бывшимъ ихъ владѣльцамъ. Это путаетъ отношенія между крестьянами и землевладѣльцами и порождаетъ между ними неудовольствія, жалобы и дѣла. Это вызываетъ и нерѣдко вмѣ-

шательство полиціи и присутствій по крестьянскимъ дѣламъ въ крестьянское самоуправленіе; что́ значительно его ухудшаетъ. Сверхъ того, пора обратить вниманіе на накопляющія по выкупнымъ платежамъ недоимки, которыя главнѣйше происходятъ отъ того, что многія земли, по Положеніямъ 1861 года, были оцѣнены много выше ихъ стоимости, и что даже нынѣ значительно поднявшіяся цѣны на земли, далеко не доходятъ до цѣнъ, тогда установленныхъ. Въ 1861 году, эта несообразность была вынужденная: объявлено было, вполнѣ разумно, что выкупается земля а не личность крестьянъ; а между тѣмъ, безъ разоренія многихъ помѣщиковъ, нельзя было строго и послѣдовательно держаться этого правила. Какъ въ то время, всего важнѣе было произвести освобожденіе крѣпостныхъ людей, и притомъ какъ можно безотлагательнѣе и безобиднѣе для дворянъ, уже лишавшихся права владѣнія людьми, то, по необходимости, тогда рѣшились, нѣсколько искуственно и даже съ натяжкою, произвести, по нѣкоторымъ мѣстностямъ, назначеніе выкупныхъ платежей. Такое рѣшеніе, при упомянутыхъ обстоятельствахъ, было тѣмъ извинительнѣе и удобнѣе, что, во власти правительства, оставалась возможность впослѣдствіи пониженіемъ исправить эти платежи. Къ сожалѣнію, слишкомъ долго медлили этимъ исправленіемъ; но теперь оно совершенно необходимо и неотложно. Если имѣются особые капиталы на покрытіе этихъ

расходовъ, то тѣмъ лучше; иначе они должны быть произведены на общій государственный счетъ; ибо кому, какъ не государству, т. е. всѣмъ — исправлять общія, по необходимости допущенныя несправедливости? Быть можетъ и даже вѣроятно, лѣтъ черезъ тридцать или около того, т. е. по уплатѣ большинствомъ крестьянъ выкупныхъ платежей, придется, опять на государственный счетъ, принять выкупные платежи тѣхъ крестьянъ, которые теперь только начнутъ выкупать свои надѣлы; иначе въ положеніи крестьянъ, покончившихъ свои выкупные платежи и продолжающихъ ихъ производить, будетъ слишкомъ большое неравенство и различіе. И въ такомъ рѣшеніи не будетъ никакой несправедливости: крестьяне, нынѣ обязательно обращаемые на выкупъ платили своимъ помѣщикамъ оброки, въ которыхъ заключались, кромѣ процентовъ, и доли выкупныхъ платежей. Слѣдовательно ихъ вина только въ томъ, что они по своей или чужой (помѣщиковъ) воли, *замедлили* начатіемъ выкупныхъ взносовъ.

На это дѣло, т. е. на составленіе правилъ для окончательнаго обязательнаго выкупа и для пониженія выкупныхъ платежей, уже обращено, кажется, надлежащее вниманіе правительства, и къ сентябрю текущаго года предположенія по этимъ предтетамъ должны быть внесены въ государственный совѣтъ. Для исполненія этихъ предварительныхъ работъ, образована коммиссія изъ трехъ

министровъ, въ которую приглашено нѣсколько (13) экспертовъ изъ разныхъ мѣстностей. Жаль, что многія мѣстности, и притомъ особенно въ этомъ дѣлѣ заинтересованныя, не имѣли за собя ходатаевъ въ этой коммиссіи. Такъ никто, кажется, не приглашенъ изъ Смоленской, Калужской, Псковской, Казанской, Владимірской и другихъ губерній. Сверхъ того, въ мѣстностяхъ даже черноземныхъ, гдѣ выкупные платежи вовсе не требуютъ пониженія, есть уѣзды или ихъ части, гдѣ крестьяне крайне бѣдствуютъ отъ плохой почвы или отсутствія путей сообщенія, т. е. гдѣ выкупныя оцѣнки много выше дѣйствительной нынѣшней стоимости земли. Не знаемъ, какія основанія приняты или будутъ приняты и для обязательнаго выкупа и для пониженія выкупныхъ платежей. До сихъ поръ полнѣйшею тайною прикрыты эти работы, словно въ этой коммиссіи составляется какое либо дипломатическое предложеніе или посягается на общественныя права и интересы. Желаемъ чтобы гг. эксперты не мудрствовали лукаво и приняли въ основаніе своихъ работъ правило самое простое, т. е. чтобы крестьяне обязаны были выкупать земли по нынѣшней дѣйствительной ея стоимости, и чтобы существующіе выкупные платежи были понижены также до этой нормы. Для опредѣленія этой стоимости имѣются въ министерствѣ государственныхъ имуществъ очень хорошія кадастраціонныя работы, и сверхъ того, должны

быть собраны, по каждой губерніи и уѣзду, отъ губернаторовъ, отъ земскихъ управъ и отъ управленій государственными имуществами, свѣденія о нынѣшныхъ цѣнахъ на земли по разнымъ мѣстностямъ. Такія же свѣденія могутъ быть затребованы и отъ старшихъ нотаріусовъ, утверждающихъ купчія крѣпости. Разнообразіе этихъ источниковъ можетъ, до нѣкоторой степени, обеспечить вѣрность свѣденій о дѣйствительной нынѣшней цѣнности земель. Приведеніе же въ исполненіе правилъ, имѣющихъ по сему предмету быть установленными, должно быть поручено не земскимъ учрежденіямъ, какъ нѣкоторые предлагаютъ, ибо это есть дѣло болѣе государственное чѣмъ земское, и не однимъ казеннымъ управленіямъ, а особымъ коммиссіямъ, составленнымъ, по каждой губерніи, изъ чиновниковъ, назначенныхъ правительствомъ, и изъ земцевъ, по избранію земскихъ собраній. Не понимаемъ, какъ a priori или по имѣющимся свободнымъ остаткамъ, могла быть впередъ опредѣлена сумма пониженій ежегодныхъ выкупныхъ платежей, сперва въ 9 а потомъ въ 12 милліоновъ (если слухи вѣрны), и какъ эта сумма какимъ-то процентнымъ исчисленіемъ можетъ быть распредѣлена между губерніями (опять, если слухи, распространенныя по этому предмету, вѣрны). Это, въ бюрократическомъ смыслѣ, пожалуй, очень удобно и нагладко, но, на дѣлѣ, оно окажется и несправедливымъ и малоразумнымъ. Дѣло идетъ не о томъ, чтобы, въ

извѣстной пропорціи, понизить всѣ выкупные платежи, и не о томъ чтобы распредѣлить между крестьянами данную сумму въ видѣ подарковъ. Предстоитъ исполнить долгъ государственной совѣсти, а именно: исправить прежде допущенную, по необходимости, несправедливость пониженіемъ выкупныхъ платежей до настоящей цѣнности выкупаемой земли. Думаемъ, что для этого не потребуется и девятимилліонной ежегодной суммы; но если бы пришлось на это расходовать и болѣе двѣнадцати милліоновъ въ годъ, то необходимо всю нужную сумму, принять на государственный счетъ; ибо несправедливость, разъ сознанная, должна быть вполнѣ исправлена.

Не думаемъ, чтобы въ этой коммиссіи, составленной изъ министровъ и экспертовъ, могло одержать верхъ мнѣніе одного изъ послѣднихъ, изложенное въ газетѣ „Русь“ и крѣпко ихъ защищавшееся, о принятіи всѣхъ выкупныхъ платежей на счетъ государства, объ обращеніи всѣхъ выкупленныхъ земель въ государственную собственность и объ обложеніи ихъ на вѣчныя времени государственнымъ налогомъ. Это мнѣніе опровергалось многими и съ юридической и съ политической и съ экономической и даже съ нашей бытовой стороны; думаемъ и надѣемся, что оно вполнѣ опровергнуто и похоронено. Но сильно опасаемся чтобы эта, хотя и не тайная, но въ тайнѣ работавшая коммиссія, не составила правилъ, пригодныхъ для нѣ-

которыхъ мѣстностей и совершенно несоотвѣтственныхъ для другихъ. Еще болѣе опасаемся чтобы гг. эксперты, не представители своихъ земствъ, а случайно, по выбору правительства приглашенные гласные, не сослужили земству очень плохую службу: какъ бы не сочли и не выставили мнѣніемъ земства или земствъ вообще то, что́ есть только мнѣніе нѣсколькихъ и притомъ весьма немногихъ гласныхъ, и къ тому же не земскими собраніями избранныхъ. . . . .

IV. Обѣдненіе крестьянства есть, къ прискорбію, фактъ несомнѣнный и теперь уже никѣмъ неоспориваемый. Главныя его причины также довольно извѣстны и ясны: неурядица въ крестьянскомъ самоуправленіи, неумѣстные и совершенно произвольные распорядки полиціи по селамъ и деревнямъ, бездѣйствіе присутствій по крестьянскимъ дѣламъ, малоземеліе, крайне высокія цѣны на отдающіяся въ наемъ земли, плохая обработка крестьянскихъ полей и отсутсвіе средствъ къ ея улучшенію, безграмотность или малограмотность, пьянство, и пр. Правительство, земскія собранія и печать уже обратили вниманіе на эти источники крестьянскихъ бѣдствій. Бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, отношеніемъ отъ 22 декабря 1880 г., предложилъ, на обсужденіе земскихъ собраній и присутствій по крестьянскимъ дѣламъ, разные вопросы какъ по устройству сихъ послѣднихъ, такъ и вообще по крестьянскому самоуправленію. Зем-

скія собранія повсѣмѣстно приняли къ сердцу это дѣло; подвергли тщательной и многосторонней разработкѣ вопросы, къ нему относящіеся, и многія изъ губернскихъ собраній уже пришли по нимъ къ окончательнымъ заключеніямъ. Надо полагать, что огромныя кипы бумагъ по этому дѣлу будутъ доставлены въ министерство внутреннихъ дѣлъ; бюрократіи будетъ чѣмъ заняться; но что́ изъ этого выдетъ? Составятся изъ этихъ свѣденій, соображеній и заключеній — своды; ихъ напечатаютъ, разошлютъ кому слѣдуетъ; а затѣмъ?

И на крестьянскую нужду въ землѣ правительствомъ обращено вниманіе: составлены министерствомъ государственныхъ имуществъ временныя правила по переселенію крестьянъ на свободныя казенныя земли и по отдачѣ такихъ же земель крестьянамъ въ аренду; и сверхъ того, обѣщано составленіе, по этимъ предметамъ, правилъ постоянныхъ и обстоятельно разработанныхъ. Простое чтеніе этихъ временныхъ правилъ убѣждаетъ всякаго житейскаго человѣка, что они составлены чисто бюрократически; что они конечно могутъ побудить крестьянъ, весьма алчущихъ полученія новыхъ земель, къ распродажѣ своего имущества на старыхъ мѣстахъ и къ отправкѣ въ путь, но что ни чѣмъ не обеспечено имъ полученіе удобныхъ земель для поселка, а тѣмъ еще мѣнѣе даны имъ средства къ поселенію на новыхъ мѣстахъ. Выселеніе изъ старыхъ мѣстъ и поселеніе на новыхъ

мѣстахъ суть дѣла весьма многосложныя и крайне трудныя. Наша печать относится къ нимъ вообще очень легкомысленно и совершенно кабинетно. Да и правительство воображаетъ что сто́итъ сочинить, утвердить и предписатъ; и дѣло въ шляпѣ. Легко взбудоражить населеніе и произвести то, что уже разъ, въ 1868 году, было: министерство внутреннихъ дѣлъ разослало, черезъ губернаторовъ, въ волостныя правленія, объявленіе на счетъ льготъ переселенцамъ въ Самарскую и Уфимскую губерніи; крестьяне распродали свои дома и громозкія вещи, и толпами двинулись въ обѣтованную землю; но прежде чѣмъ они туда дошли и доѣхали, явился другой разъяснительный циркуляръ, который отмѣнялъ все обѣщанное въ первомъ, и возвращалъ крестьянъ, вполнѣ разоренныхъ, голодныхъ и оборванныхъ, на старыя мѣста. Легкомысленно и бюрократически это дѣло устроить невозможно. Оно крайне трудно само по себѣ, и въ особенности потому, что новыя мѣста вообще весьма отдаленны, что пути къ нимъ не водою и не по желѣзнымъ дорогамъ, что крестьяне-переселенцы всѣ отправляются туда на своихъ лошадяхъ, и что наши климатическія условія требуютъ особенной быстроты въ обеспеченіи людей на зиму. Это дѣло должно быть устроено съ знаніемъ бытовыхъ крестьянскихъ условій вообще и особенно тѣхъ мѣстностей, куда переселенія направляются; и это дѣло приводить въ исполненіе слѣдуетъ не нынѣшними

чиновниками. Такъ что же — необходимо его отложить? Конечно нѣтъ! но необходимо скорѣе покинуть все искажающій и мертвящій бюрократическій путь управленія, и вступить на иный — на путь дѣла и не бумагъ.

Много имѣется крестьянскихъ обществъ и крестьянъ, не думающихъ о переселеніяхъ, но весьма желающихъ купить земли, продаваемыя помѣщиками и переходящія въ руки спекулантовъ, которые пріобрѣтаютъ ихъ для сдачи въ наемъ крестьянамъ по жидоморскимъ цѣнамъ. Бѣда крестьянъ въ томъ, что на эти покупки у нихъ нѣтъ или недостаетъ денегъ. На эту крестьянскую нужду обращено вниманіе печатью, многими земскими гласными и нѣкоторыми земскими собраніями; но дѣло какъ-то плохо подвигается впередъ. Избираются послѣдними коммиссіи, представляются проекты земскихъ банковъ и другія предположенія, происходятъ продолжительныя и оживленныя пренія, и все это кончается отсрочкою окончательнаго рѣшенія до слѣдующаго очереднаго созыва. Впрочемъ справедливость требуетъ сказать, что нѣкоторыя губернскія и даже уѣздныя земскія собранія уже перешли отъ словъ къ дѣлу и ассигновали суммы на оказаніе пособій крестьянамъ при покупкахъ ими земли; но такія земскія постановленія составляютъ рѣдкія исключенія, и къ тому же земства, за недостатнихъ капиталовъ, не въ состояніи, такимъ способымъ, оказать крестьянамъ сущест-

венную помощь по пріобрѣтенію ими земель. И банки, предполагаемые къ устройству земствами, для одной ихъ собственной губерніи, съ цѣлью помогать крестьянамъ при покупкѣ ими земли, не могутъ достигнуть желаемой цѣли, какъ это обстоятельно доказано въ №№ 1, 8 и 10 газеты „Земство.“ Необходимость оказанія пособій крестьянамъ при покупкѣ ими земли — признается почти всѣми; но какъ удовлетворить эту нужду — въ этомъ мнѣнія расходятся. Одно кажется несомнѣннымъ, что ни земство, ни правительство отдѣльно, ничего, въ этомъ отношеніи, сдѣлать не могутъ: необходимо, въ этомъ дѣлѣ, совмѣстное ихъ дѣйствіе. Въ этомъ именно смыслѣ, сдѣлано мною предложеніе въ упомянутыхъ №№ „Земства“ и въ Рязанскомъ губернскомъ земскомъ собраніи. — Наши губернскія земскія собранія, состоящія нынѣ почти исключительно изъ дворянъ-землевладѣльцовъ, очень неохотно занимаются этимъ дѣломъ и пользуются всякимъ предлогомъ къ его отсрочкѣ. Необходимъ толчокъ сверху, и весьма желательно совокупное дѣйствіе правительства и земствъ по этому крайне важному и неотложному дѣлу.

И прочія причины обѣдненія крестьянъ не могутъ быть устранены ни правительствомъ ни земствомъ, при ихъ отдѣльномъ, объособленномъ дѣйствіи; для принятія, въ этомъ отношеніи, настоящихъ, разумныхъ и успѣшныхъ мѣръ, и для приведенія ихъ въ надлежащее исполненіе, необходимо

совмѣстное дѣйствіе правительства и земства. Приходится повторять одно и тоже; но что́ дѣлать? Въ ихъ дѣйственномъ единеніи — одно для насъ спасеніе.

V. Давно обѣщаютъ отмѣну подушной подати. Болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, этотъ вопросъ обсуждался въ земскихъ собраніяхъ, по предложенію правительства, препроводившаго на ихъ заключеніе проэктъ подворнаго налога, выработанный правительственною податною коммиссію. Проектъ этотъ былъ забракованъ земствами, которыя единогласно высказались за распространеніе податной обязанности на всѣ состоянія въ государствѣ. Раздвоеніе русскаго народа на два отдѣла — на податныхъ и свободныхъ отъ личныхъ податей т. е. привилегированныхъ — стоитъ у насъ какъ кость въ горлѣ. Признано существованіе всесословнаго земства; устроены въ этомъ смыслѣ разныя учрежденія; воинская повинность распространена на всѣхъ гражданъ; а между тѣмъ имѣется налогъ на существованіе, который платится однимъ сословіемъ, пользующимся притомъ мѣнѣе прочихъ удобствами и выгодами государственнаго устройства. Много было предложено проектовъ о замѣнѣ подушной подати и подоходнымъ налогомъ и классною податью и другими сборами; но до сихъ поръ дѣло впередъ не двигается, и этотъ остатокъ крѣпостнаго права стоитъ бодръ и невредимъ. Послѣднее Высочайшее повѣленіе, состоявшееся въ 1879 году не оста-

вляло уже никакого сомнѣнія на счетъ скорой отмѣны этого устарѣлаго налога; а между тѣмъ онъ продолжаетъ существовать и еще не имѣется въ виду чѣмъ онъ будетъ замѣненъ. Конечно это дѣло не легкое, и замѣна подати, къ которой привыкли, новою, не соотвѣтствующею нашимъ бытовымъ обстоятельствамъ, было бы дѣломъ не полезнымъ а вреднымъ; къ подушной подати крестьяне привыкли и большею частью разложили ее на земли. Предполагаемый подоходный налогъ у насъ невозможенъ, пока граждане не участвуютъ въ установленіи и опредѣленіи налоговъ. Первымъ условіемъ для подоходнаго налога есть существованіе въ странѣ гражданской честности, обязывающей по совѣсти показывать настоящій получаемый доходъ. Такой честности у насъ нѣтъ, и возможно ли ее требовать пока государственные доходы идутъ Богъ вѣсть на что́, расточаются и даже разхищаются безнаказанно? Классная подать легче могла бы быть введена; но какъ бы, для приведенія ея въ дѣйствіе, не потребовалось инквизиторскихъ дознаній для опредѣленія, даже приблизительнаго, получаемыхъ доходовъ. Сверхъ того, знаемъ ли мы сами наши постоянные доходы? То густо, то пусто. Подушная подать должна быть отмѣнена; это несомнѣнно и этого желаютъ всѣ; но чѣмъ замѣнить доходъ ею доставляемый — это не легко разрѣшимо. Необходимо этотъ вопросъ подвергнуть

самому тщательному и самому многостороннему обсужденію.

VI. Государственные расходы ростутъ у насъ постоянно и въ размѣрахъ ужасающихъ: въ прошедшее царствованіе, съ 263 мил. они дошли до 644 мил.; т. е. увеличились слишкомъ вдвое — на 145%*). Въ 1879 году учреждена была коммиссія изъ высшихъ сановниковъ подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя департамента государственнаго совѣта по государственной экономіи. Иные отъ этой коммиссіи ожидали большихъ сокращеній въ расходахъ; мы не были въ числѣ этихъ оптимистовъ и, въ изданной нами, въ 1879 годѣ, книжкѣ,**) сказали: „Учрежденіе коммиссіи въ видахъ сокращенія расходовъ было конечно мѣрою необходимою и обѣщавшею быть полезною; но образованіе ея изъ однихъ высшихъ чиновъ администраціи уничтожаетъ всѣ надежды на благопріятный результатъ ея трудовъ. Впередъ можно сказать, что сокращеній будетъ немного, и что они отнесутся не къ тѣмъ окладамъ, которые всего болѣе требуютъ сокращенія, а напротивъ къ тѣмъ, которые скорѣе требуютъ прибавокъ чѣмъ убавокъ. Авось, по крайней мѣрѣ, сократится число чинов-

*) Эта послѣдняя цифра не совсемъ вѣрна: многіе расходы (по царству Польскому, по государственнымъ земскимъ сборамъ и пр.) прежде значились въ особыхъ смѣтахъ. Но несомнѣнно то, что государственные расходы въ 26 лѣтъ слишкомъ удвоялись.

**) „Чтó же теперь дѣлать?“ Берлинъ 1879.

никовъ и административныхъ мѣстъ, и это было бы выигрышъ не малый. Сократить расходы — необходимо; ибо они, въ послѣдніе годы росли не по годамъ а по днямъ и часамъ, и особенно въ высшихъ сферахъ администраціи. Тутъ десятки и сотни тысячь расходовались легче, чѣмъ ме́ньшія суммы на дѣйствительныя нужды государства. — Поживемъ — увидимъ, а пока тяжко смотрѣть на такіе порядки и отъ нихъ терпѣть.“

Оказывается на дѣлѣ что и наши крайне скромныя ожиданія — не осуществились: прошли слишкомъ два года, а расходы и на 1880 и на 1881 годы не убавились а еще значительно увеличились; число же чиновниковъ и административныхъ учрежденій ни сколько не сократилось. Бюрократическимъ порядкомъ, даже и въ высшихъ сферахъ нынѣшней администраціи, удовлетворительныхъ результатовъ по сокращенію государственныхъ расходовъ — достигнуть невозможно. Убѣждены въ сильнѣйшемъ желаніи и расположеніи нынѣ царствующаго Императора сократить государственные расходы; убѣждены что Онъ настойчиво будетъ этого требовать, и что нѣкоторые исполнители Его воли усердно будутъ Ему въ этомъ помогать; а все-таки мы увѣрены, что дѣйствительныхъ — плодотворныхъ сокращеній не будетъ: они невозможны при нынѣшней системѣ администраціи — тутъ безсильно и само Верховное Самодержавіе. Пока не измѣнится духъ въ общемъ управленіи, пока

правительство не на словахъ а на дѣлѣ не будетъ едино съ народомъ, бюрократія удержитъ свое владычество и всѣ сокращенія, если она какія-либо и допуститъ, не пойдутъ народу въ пользу.

Едва ли, по внутреннему управленію, можно сдѣлать значительныя сокращенія въ расходахъ. Неизбѣжны преобразованія по губернскому и уѣздному управленію; неизбѣжно введеніе новыхъ судебныхъ учрежьеній тамъ, гдѣ еще страдаютъ отъ стараго судопроизводства; неизбѣжно открытіе новыхъ университетовъ, гимназій и другихъ учебныхъ заведеній; неизбѣжно еще многое, очень многое, что́, по разнымъ причинамъ, не вводилось „за недостаткомъ потребныхъ суммъ.“ Мы страдаемъ по внутреннему управленію не столько значительностью расходовъ, сколько тѣмъ, что они идутъ на содержаніе ватагъ чиновниковъ, которые получая, по большой части, скудное жалованіе, пополняютъ его всякими поборами и казнокрадствомъ.

Конечно желательно сокращеніе расходовъ; но еще болѣе желательно употребленіе денегъ собираемыхъ съ народа — на его пользу, а не на развитіе роскоши и другіе, пожалуй, еще худшіе расходы.

Есть одно сокращеніе расходовъ, которое весьма желательно и которое можетъ быть весьма значительно и приведено въ дѣйствіе почти немедленно; это — сокращеніе расходовъ по военному вѣдомству. Тутъ хозяйственная часть, говорятъ, без-

образна; и одно приведеніе ея въ порядокъ доставитъ, какъ увѣряютъ, сбереженія на десятки милліоновъ. Сверхъ того, можно и, по нашему мнѣнію, должно уменьшить численность нашей арміи. Иные считаютъ послѣднее невозможнымъ, утверждая что съ этимъ необходимо соединено будетъ и уменьшеніе нашего значенія въ сношеніяхъ съ Европейскими державами. Думаемъ, что этотъ доводъ вполнѣ несостоятеленъ. Во 1^{хъ}, до сихъ поръ мы своихъ военныхъ силъ не сокращали; а удержали ли мы въ Европѣ то значеніе, которое прежде имѣли и которое наше государство должно имѣть? Во 2^{хъ}, не военныя силы доставляютъ теперь въ Европѣ значеніе государствамъ, а ихъ внутренніе порядки и финансовыя средства. Явнымъ тому доказательствомъ служитъ Англія, которая имѣетъ очень малочисленныя войска, а между тѣмъ голосъ ея въ Европѣ весьма значителенъ. Въ 3^{хъ}, мы теперь находимся вовсе не въ положеніи Германіи, присвоившей себѣ чужую собственность, или Франціи, выжыдающей благопріятной минуты для отмщенія; между ними война неизбѣжна и можетъ внезапно открыться. Наконецъ въ 4^{хъ}, Россія не имѣетъ никакихъ причинъ къ объявленію кому либо войны, и ни одна держава не ищетъ повода къ тому, чтобы выступить съ нею въ борьбу. Къ тому же всѣ Европейскія государства находятся въ такомъ положеніи, что имъ у себя дома очень много дѣла, и что ни одно изъ нихъ теперь охотно

не предприметъ никакой войны. Мы глубоко убѣждены, что сокращеніе нашихъ военныхъ силъ встрѣтило бы въ Европѣ самое искреннее сочувствіе, и было бы непріятно развѣ одному кн. Бисмарку, котораго оно поставило бы въ неловкое положеніе. Убѣждены также, что такое наше рѣшеніе подняло бы, на биржѣ, наши курсы и фонды сильнѣе, чѣмъ самыя блестящія наши побѣды.

Сокращеніе численности нашей арміи будетъ имѣть для народа и государства, кромѣ уменьшенія расходовъ, еще одну очень важную выгоду. До сихъ поръ, ежегодно отрывается отъ производительныхъ работъ до 230 тысячь молодыхъ людей, изъ которыхъ около двухъ сотъ тысячь берутся отъ сохи. Въ Германіи, поселяне, по отбытіи своей службы, возвращаются къ плугу и продолжаютъ посвящать себя земледѣлію. У насъ, дѣло становится иначе. Молодые крестьяне, разъ оторванные отъ сохи, рѣдко къ ней возвращаются: по большой части, они поступаютъ въ сторожа, дворники или на иную легкую службу или работу. На это нельзя не обратить вниманія, и сокращеніе ежегодного призыва было бы весьма важно и въ земледѣльческомъ отношеніи.

VII. Давно толкуютъ, и въ административныхъ сферахъ и въ обществѣ и въ печати, о необходимости преобразованія нашего губернскаго и уѣзднаго управленія и въ особенности полиціи. Съ 1861 года, это дѣло стоитъ на очереди, но оно,

какъ и многія другія неотложныя дѣла, вовсе не подвигается впередъ. Изданы были, по этой части, разныя отдѣльныя узаконенія; учреждены урядники; но не только нѣтъ улучшенія въ мѣстномъ полицейскомъ управленіи, а безпорядки и общая безтолочь усилились и умножились. 19 Февраля 1861 г. ввело Россію на иной, совершенно новый путь; въ 1865 году пошли въ ходъ земскія учрежденія; а мѣстная правительственная администрація остается при прежнихъ, мало измѣненныхъ узаконеніяхъ и инструкціяхъ. Составленіе, подписаніе и отправка рапортовъ и предписаній, вѣдомостей и отчетовъ поглащаетъ почти все время служащихъ; когда же имъ заниматься настоящимъ дѣломъ. И оно идетъ Богъ вѣсть какъ! Къ тому же, на полицію возложено такъ много разныхъ, ей вовсе несвойственныхъ дѣлъ, что еще слава Богу, что она ими не занимается. — Дивиться надо не существующей анархіи, а тому что дѣла еще кое-какъ идутъ и что смуты насъ не сокрушили. Великъ и милостивъ Русскій Богъ!

Но всякому долготерпѣнію есть предѣлъ. Необходимо хоть теперь озаботиться устройствомъ мѣстнаго управленія въ громадной нашей имперіи. Предстоитъ рѣшить, что́ должно оставаться въ вѣденіи агентовъ центральной власти, устроить ихъ какъ слѣдуетъ, и дать имъ разумныя, удобоисполнимыя инструкціи. Остальныя заботы о мѣстномъ управленіи слѣдуетъ возложить на земскія и

крестьянскія учрежденія, предоставить имъ необходимыя права и власти, и уже не препятствовать правильному ихъ дѣйствію. — Устройство это есть дѣло конечно не легкое, но оно совершенно неотложно. Боже упаси отъ совершенія его однимъ бюрократическимъ способомъ! Сенаторскія ревизіи, только оконченныя, вѣроятно доставятъ богатый матеріалъ для оцѣнки существующихъ порядковъ и для составленія новыхъ проектовъ. Но какъ бы послѣдніе ни были умно и благонамѣренно выработаны, а все таки, для ихъ окончательной отдѣлки и для сообщенія ихъ удобопримѣнимости къ различнымъ мѣстностямъ, необходимо содѣйствіе ихъ представителей. Этого никакъ нельзя упускать изъ вида; ибо только мѣстные люди или ихъ представители, въ нашемъ обширномъ государствѣ, могутъ, въ этомъ отношеніи, подать голосъ со смысломъ.

Идетъ теперь слухъ, что предполагается упразднить урядниковъ. Они народу конечно ненавистны; но одною этою отмѣною дѣло о преобразованіи полиціи нисколько не двинется впередъ. Необходимо весь институтъ полиціи и всѣ къ ней относящіяся узаконенія, подвергнуть коренному пересмотру.

VIII. Также совершенно необходимы и неотложны пересмотръ и исправленіе Положеній о земскомъ и городскомъ самоуправленіи. Многолѣтній опытъ и многократныя ходатайства земствъ и городовъ до очевидности доказали аначительные не-

достатки въ этихъ узаконеніяхъ. Не будемъ здѣсь ихъ излагать, ибо они и очень многочисленны и всѣмъ извѣстны; но не можемъ не повторить уже нѣсколько разъ сказаннаго нами прежде: Боже сохрани отъ передѣлки этихъ Положеній бюрократическими дѣятелями. Новыя ихъ произведенія были бы, пожалуй, еще хуже нынѣ существующихъ, уже нѣсколько исправленныхъ жизнью и общимъ признаніемъ неудобоисполнимости нѣкоторыхъ ихъ статей.

Не можемъ однако не заявить здѣсь объ одной нуждѣ, все болѣе и болѣе обостряющейся, и удовлетвореніе которой равно требуется пользами какъ населенія такъ и самаго правительства; а именно: о необходимости распространенія Положенія о земскихъ учрежденіяхъ на окраины имперіи, т. е. на Сибирь, Кавказъ, западныя, привислянскія и прибалтійскія губерніи. Хотя земскія учрежденія, отчасти по своей винѣ, но всего болѣе по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ, не доставили намъ тѣхъ благъ, выгодъ и удобствъ, которыхъ мы были вправѣ отъ нихъ ожидать; однако доходящіе къ намъ слухи изъ окраинъ о тамошнихъ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ, воскрешаютъ въ нашей памяти былое дореформеннаго времени и теперь, въ земскихъ губерніяхъ, уже невозможное. Раздвоеніе имперіи на земскія и неземскія губерніи весьма вредно и неудобно и въ нравственномъ и въ административномъ и въ экономическомъ от-

ношеніи: оно возбуждаетъ зависть и особенное недовольство въ однихъ, и какую-то глупую, вовсе неумѣстную гордость въ другихъ; оно затрудняетъ администрацію, принуждая ее исполнять, черезъ своихъ агентовъ, то, чтó, въ земскихъ губерніяхъ, производится самими земствами; оно особенно невыгодно въ экономическомъ отношеніи, ибо многое чтó у насъ совершается на пользу населенія, тамъ опускается вовсе или совершается чиновниками небрежно и съ излишними расходами. Уравненіе губерній въ правахъ и обязанностяхъ есть необходимое условіе объединенія силъ государства, и слѣдовательно его процвѣтанія и могущества.

Еще имѣется много, очень много другихъ нуждъ, удручающихъ или все населеніе или нѣкоторыя его состоянія и мѣстности; всѣхъ нуждъ не перечтешь, но мы не можемъ умолчать еще о двухъ, особенно тяжко отзывающихся на положенія народа, а именно: о безобразіяхъ нашей паспортной системы, которую необходимо пересмотрѣть и существенно измѣнить; и о безобразіяхъ нашей учебной системы какъ по первоначальнымъ школамъ, такъ и по прочимъ учебнымъ заведеніямъ. Министерство народнаго просвѣщенія, въ послѣдніе пятьнадцать лѣтъ, отчасти явно а еще болѣе тайно такъ устроило и вело дѣло, что родители трепетали за своихъ дѣтей и приходили въ отчаяніе. Увольненіе главы этого министерства было общенароднымъ праздникомъ; но этимъ еще не изцѣляются

раны причиненныя народу: необходимъ пересмотръ Положенія о первоначальныхъ школахъ 1874 года и возвратъ къ основамъ прежнаго положенія. Необходимъ и пересмотръ Уставовъ классическихъ и реальныхъ гимназій и прогимназій.

Есть еще нужда, для человѣка самая существенная и самая необходимая, и отъ нея, въ странѣ нашей, мы крайне терпимъ, это — недостатокъ въ удовлетвореніи нашего религіознаго чувства. Отъ этого усиливаются старые расколы, нарождаются новыя секты, и имѣютъ успѣхи Редстоки и имъ подобные. Но объ этой нуждѣ, объ ея причинахъ и о средствахъ къ ея удовлетворенію, мы здѣсь говорить не будемъ. Объ этомъ надо толковать очень много и вникать очень глубоко или воздержаться отъ рѣчи объ этомъ предметѣ. Рѣшаемся на послѣднее, какъ потому, что поставили себѣ задачею только указаніе нашихъ нуждъ гражданскихъ, общественныхъ и государственныхъ, такъ еще болѣе потому, что не считаемъ себя достаточно подготовленными для поднятія и обсужденія церковныхъ вопросовъ; а они у насъ и многочисленны и крайне важны.

VII.

Теперь мы подходимъ къ указанію главнѣйшей нашей гражданской нужды — той, которая заключаетъ въ себѣ корень и суть всѣхъ прочихъ

нуждъ, и безъ удовлетворенія которой невозможны: возстановленіе спокойствія и порядка въ государствѣ, прекращеніе бѣдствій, насъ удручающихъ, и улучшеніе нашего положенія вообще. Подъ этимъ, какъ всякій легко пойметъ, мы разумѣемъ — нужду въ доставленіи, и намъ и правительству, средствъ къ непосредственнымъ другъ съ другомъ сношеніямъ, т. е. чтобы мы имѣли возможность высказывать прямо Верховной власти наши нужды, желанія, чувства и мнѣнія, и чтобы Верховная власть могла узнавать прямо отъ насъ что̀ намъ требуется, какъ дѣла идутъ въ странѣ, и что̀ и какъ слѣдуетъ устроивать для общаго блага, въ обширной и разнообразной нашей имперіи. Да не подумаетъ кто-либо, что мы имѣемъ въ виду введеніе какой-либо западно-европейской конституціи, ограничивающей Самодержавіе и установливающей народовластіе. Нѣтъ! такихъ мыслей мы никогда не имѣли и теперь не имѣемъ, и всегда, на этотъ счетъ, высказывались ясно и положительно; что̀ можно видѣть въ разныхъ брошюрахъ, нами напечатанныхъ въ Лейпцигѣ и Берлинѣ. Съ особенною обстоятельностью мы изложили наше мнѣніе противъ конституцій и за самодержавіе — въ книжкѣ: „Общая земская дума въ Россіи“ (Берлинъ 1875). Не будемъ здѣсь повторять тамъ сказаннаго, и прямо обратимся къ указанной нами нуждѣ.

Да, непосредственныя сношенія между верховною властью и народомъ — совершенно необхо-

димы. Они существовали на Руси въ старыя времена; прерваны они были временно; какъ временно было установлено и крѣпостное право на людей; а то и другое имѣли свои оправдительныя бытовыя причины (raisons d'être). Слава Богу и Царю-Освободителю, одно уже прекращено, а другое, твердо надѣемся, будетъ безотлагательно возстановлено Его Августѣйшимъ Преемникомъ. Какъ крѣпостная зависимость однихъ людей отъ другихъ не могла долѣе существовать и была своевременно и благовременно самодержавною властью упразднена; такъ не можетъ долѣе продолжаться и перерывъ прямыхъ взаимныхъ отношенiй между верховною властью и народомъ. Теперь вошло какъ бы въ обычай говорить объ единенiи народа съ Царемъ и Царя съ народомъ. Въ душѣ того и другого, это конечно такъ; но пора это единство проявить и на самомъ дѣлѣ. Бюрократiя исполнила свое назначенiе, и даже черезъ край; всеобщая къ ней ненависть сильнѣе и общѣе чѣмъ была даже ненависть къ покойному крѣпостному праву; еще никогда и ни по какой нуждѣ, общественное мнѣнiе не высказывалось у насъ такъ единодушно, такъ положительно и такъ сильно, какъ теперь за уничтоженiе существующаго средостѣнiя между народомъ и Царемъ, и за осуществленiе на дѣлѣ того единства, которое теперь живетъ только въ чувствахъ и мысляхъ народа. Цензура и предсѣдатели совѣщательныхъ собранiй стоятъ, какъ часовые, съ за-

претомъ что́-либо говорить о созывѣ представителей народа Русскаго; а между тѣмъ, и въ печати и въ земскихъ и дворянскихъ собраніяхъ, такъ или сякъ, не прямо такъ косвенно, проявляются одни и тѣже мысли: конецъ бюрократіи, созывъ представителей земли Русской — возстановленіе прямыхъ и откровенныхъ сношеній между Царемъ и Его народомъ.

Правительство также сознаетъ для себя эту потребность и даже ея неустранимость; оно утратило вѣру въ бюрократію, ея рапорты, доклады, соображенія и заключенія; но оно еще не рѣшается прямо и откровенно обратиться къ народу; оно медлитъ, недоумѣваетъ и ограничивается полу- и четверть-мѣрами. Такъ теперь, для полученія отъ общественнаго мнѣнія свѣденій, соображеній и заключеній по важнымъ поднятымъ вопросамъ объ окончательномъ обязательномъ выкупѣ крестьянскихъ надѣловъ и о необходимомъ пониженіи, по нѣкоторымъ мѣстностямъ, выкупныхъ платежей, правительство вызвало кой-откуда земскихъ гласныхъ въ качествѣ экспертовъ. Нѣтъ! времена экспертовъ, въ видѣ представителей общественнаго мнѣнія, миновали для земской Россіи безвозвратно. Въ 1859 году, вызвавъ экспертовъ по дѣлу объ освобожденіи крѣпостныхъ людей, правительство поступило такъ, какъ тогда лучше поступить было невозможно: оно не надѣялось на бюрократію; земскихъ учрежденій еще не было; оно обратилось

къ единственному тогда сословію, имѣвшему хотя нѣкое мнѣніе и нѣкій голосъ по дѣламъ общественнымъ — къ дворянству, и разрѣшило ему собраться поуѣздно, избрать по два члена и образовать губернскіе комитеты для обсужденія этого дѣла. Затѣмъ, разрѣшено было этимъ комитетамъ избрать изъ своей среды депутатовъ, которые и были призваны въ Петербургъ для расмотрѣнія проектовъ, изготовленныхъ правительственными редакціонными коммиссіями, и для дачи заключеній по ихъ предположеніямъ. А эти правительственныя коммиссіи были составленны изъ людей, еще прежде особенно занимавшихся эманципаціоннымъ вопросомъ и ревностно потрудившихся въ губернскихъ комитетахъ — изъ людей, дѣйствительно заслужившихъ званіе экспертовъ. Слѣдовательно, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, все возможное было сдѣлано для узнанія требованій и желаній общественнаго мнѣнія.— Съ тѣхъ поръ прошло слишкомъ двадцать лѣтъ, и какихъ? Съ введеніемъ и дѣйствіемъ гласнаго судопроизводства, земскихъ и городскихъ всесословныхъ учрежденій, нѣкоторой свободы печати, и сверхъ того, съ устройствомъ железнодорожныхъ паровыхъ сообщеній и съ удвоеніемъ бюджета государственныхъ разходовъ. Всѣ эти обстоятельства существенно, почти въ корень измѣнили наше положеніе, и если у насъ еще не установилось и не окрѣпло общественное мнѣніе, то оно развивается и съ нимъ неразлучно образуется и общественный бытъ.

Призывъ тринадцати экспертовъ, въ Петербургъ ко 2 іюня, возбудилъ въ Россіи не радость, не надежды, а улыбки, сожалѣнія и опасенія. Можно и необходимо призывать экспертовъ по спеціальнымъ вопросамъ; но гдѣ нужно знать мнѣніе страны и то, что́ ей требуется, тутъ необходимо ей самой предоставить выборъ представителей ея мнѣнія. Нынѣшній призывъ экспертовъ, изъ нѣсколькихъ мѣстностей, по общегосударственному дѣлу, можетъ ввести правительство въ большую ошибку: оно, пожалуй, вообразитъ что посовѣтовалось съ землею — съ народомъ о дѣлахъ общихъ и весьма важныхъ; а вмѣсто того, оно только выслушало мнѣнія нѣсколькихъ людей, имъ же самимъ приглашенныхъ. Можетъ случиться и то, что мнѣнія этихъ экспертовъ окажутся одностороннѣе и хуже даже мнѣній бюрократіи, которая, по крайней мѣрѣ, обыкновенно воздерживается отъ заключеній рѣзкихъ и рѣшительныхъ.

Созывъ представителей земли русской есть, въ настоящее время, дѣло совершенно необходимое, неотложное и ничѣмъ незамѣнимое. Теперь весь вопросъ въ томъ: въ какомъ видѣ произвести этотъ созывъ?

По этому вопросу существуютъ два мнѣнія: одни, придерживаясь старины — историческихъ преданій, желаютъ созыва земскаго собора; а другіе, всматриваясь въ настоящій нашъ бытъ, предлагаютъ, въ завершеніе существующихъ губерн

скихъ земскихъ собраній, учрежденіе Общей земской думы. Разсмотримъ оба эти мнѣнія сколь возможно обстоятельнѣе и безпристрастнѣе.

Сторонники земскаго собора, къ сожалѣнію, сколько намъ извѣстно, еще нигдѣ не высказались, нѣсколько опредѣлительно, на счетъ состава предполагаемаго ими учрежденія; а между тѣмъ, это весьма важно. Они вообще недовольны нынѣшними земскими собраніями, находя что они вовсе не представляютъ собою земли русской. Сколько мы слышали, они требуютъ въ земскій соборъ представителей, по каждому уѣзду, отъ крестьянъ, дворянъ, городовъ и духовенства, а нѣкоторые соборники допускаютъ и отъ уѣзднаго земскаго собранія; слѣдовательно отъ каждаго уѣзда должно быть по 4 или по 5 представителей, а отъ всей имперіи, при ограниченіи ея одними земскими губерніями, число представителей будетъ около двухъ тысячъ, а при распространеніи, вполнѣ справедливомъ, этого права и на окраины, это число удвоится. Не можемъ себѣ даже вообразить, какъ это двух- или пятитысячное и совершенно разнородное собраніе будетъ обсуждать правительственныя предложенія и подавать по нимъ голоса. Знаемъ, что въ нашихъ уѣздныхъ собраніяхъ, состоящихъ изъ 30—60 гласныхъ, изъ которыхъ около половины крестьянъ, вопросы часто становятся по два и по три раза, и случается, и даже нерѣдко, что они вполнѣ понимаются только послѣ

оконченной балотировки. Чтожъ будетъ въ собраніи, состоящемъ изъ нѣсколькихъ тысячь членовъ, изъ которыхъ ¼ крестьянъ и около того же изъ купцовъ и мѣщанъ? Не думаемъ чтобы такое собраніе лучше представило землю, чѣмъ нынѣшнія наши земскія собранія.

Понимаемъ что дворянство, городъ и духовенство каждаго уѣзда могутъ выбрать отъ себя представителей; но рѣшительно недоумѣваемъ, какъ крестьяне цѣлаго уѣзда выберутъ отъ себя одного представителя. Допустимъ, что каждая волость выберетъ одного или нѣсколькихъ уполномоченныхъ для избранія этого уѣзднаго представителя; но эти уполномоченные, собравшіеся въ уѣздномъ городѣ или иномъ болѣе центральномъ мѣстѣ, кого они выберутъ? Крестьяне очень хорошо знаютъ людей своего селенія или прихода, нѣсколько знаютъ людей теперешнихъ расширенныхъ волостей, плохо знаютъ людей смежныхъ волостей, но уже вовсе не знаютъ крестьянъ отдаленныхъ селъ и деревень; какъ же они, собравшись на одинъ день, выберутъ человѣка, имѣющаго быть ихъ уѣзднымъ представителемъ?

Въ нѣсколькотысячномъ собраніи вообще, а у насъ, при нашей еще малой привычкѣ къ преніямъ въ особенности, немыслимо обстоятельное обсужденіе правительственныхъ предложеній и еще мѣнѣе возможно положительное и опредѣленное заявленіе о нашихъ нуждахъ; а потому, вся дѣятель-

5*

ность собора должна ограничиться высказываніемъ, на всѣ предложенія и заявленія, однословнаго рѣшенія „да“ или „нѣтъ.“ Удовлетворитъ ли такое рѣшеніе нашу нужду и исполнитъ ли наши ожиданія? Отвѣтитъ ли оно правительственной потребности? Узнаетъ ли Верховная власть много болѣе того, что́ она теперь знаетъ? Получимъ ли мы возможность разумно и обстоятельно высказывать наши мнѣнія и нужды? Шибко опасаемся чтобы изъ такихъ соборовъ не вышли: торжество для бюрократіи и посрамленіе земли Русской.

Конечно наши уѣздныя и губернскія земскія собранія весьма недостаточно представляютъ уѣздное и губернское населеніе и въ особенности одну его часть — крестьянство. Необходимо произвести измѣненія и въ способахъ выбора и въ условіяхъ избирательности и избираемости, и во многихъ другихъ статьяхъ Положенія о земскихъ учрежденіяхъ; но, пока лучшихъ представителей населенія нѣтъ, необходимо ими довольствоваться. Слѣдовательно только изъ нихъ и отъ нихъ, мы можемъ теперь получить лучшихъ по возможности народныхъ представителей.

Мы имѣемъ въ уѣздахъ, уѣздныя земскія собранія, объединяющіяся въ губернскомъ земскомъ собраніи, и имъ, въ извѣстныхъ предѣлахъ, направляемыя и исправляемыя. Мы имѣемъ въ губерніяхъ, губернскія земскія собранія, но они стоятъ и дѣйствуютъ совершенно обособленно, безъ всякой

связи между собою, и не имѣя никакого объединительнаго учрежденія надъ собою. Его-то создать необходимо — это одно что́ можетъ оживотворить и оплодотворить земскую жизнь, и устранить ту главнѣйшую нужду, которая теперь насъ гнететъ, губитъ и уничтожаетъ. Мы не будемъ здѣсь распространяться о томъ, какъ составить это общее имперское земское собраніе, какія права ему предоставить, какія обязанности на него возложить, какой кругъ дѣйствія ему очертить, и о нѣкоторыхъ другихъ вопросахъ, относящихся къ этому предполагаемому учрежденію. Наши мнѣнія, по этому предмету, мы изложили довольно обстоятельно въ вышеупомянутой нашей книжкѣ („Общая земская дума въ Россіи). Мы ее напечатали въ 1875 году; и перечитавши ее теперь, должны сказать, что остаемся безусловно при мнѣніяхъ, тамъ и тогда высказанныхъ. Можно бы кой-что прибавить, но считаемъ это ненужнымъ: важность дѣла не въ подробностяхъ, а въ главной его мысли. Лишь бы она была принята, и все остальное само собою къ ней приложится. Не будемъ повторять тамъ сказаннаго, а попросимъ читателя, если ему угодно узнать наше мнѣніе объ Общей земской думѣ, обратиться къ упомянутой книжкѣ.

Остается намъ разсмотрѣть еще одинъ весьма важный вопросъ: въ случаѣ, еслибы Верховная власть рѣшилась удовлетворить указанную великую нужду и исполнить общее желаніе Ея вѣрноподан-

ныхъ, то какъ лучше привести это въ дѣйствіе: манифестомъ ли съ прямымъ изъясненіемъ, что, въ завершеніе существующихъ земскихъ учрежденій, образуется Общая Земская Дума изъ гласныхъ, избираемыхъ губернскими земскими собраніями, и что ей даруются такія и такія права; или Высочайшимъ повелѣніемъ вызвать, въ Петербургъ, отъ губернскихъ земскихъ собраній, по ихъ избранію, депутатовъ или членовъ въ Общую Коммиссію, для обсужденія нѣкоторыхъ дѣлъ, которыя будутъ ей предложены, и для дачи по нимъ ея заключеній?

Признаться, мы подаемъ свой голосъ въ пользу рѣшенія въ первомъ смыслѣ, и вотъ на какихъ основаніяхъ: во 1ˣъ, Верховная власть въ Россіи такъ сильна и пользуется такою всеобщею любовью, что для нея всего свойственнѣе и приличнѣе дѣйствія прямыя и откровенныя; во 2ˣъ, дарованіе земскихъ учрежденій и гласнаго судопроизводства было объявлено прямо, безъ всякихъ околичностей; во 3ˣъ, весьма было бы желательно и вполнѣ соотвѣтственно ознаменовать первый годъ царствованія великою милостью и великимъ дѣломъ; наконецъ въ 4ˣъ, нѣтъ никакихъ причинъ, ни опасностей, ни неудобствъ къ обнародованію прямому и полному тѣхъ правъ, которыя вновь даруются земству Верховною властью.

Но если, почему либо, признано будетъ невозможнымъ принять такое рѣшеніе, то придется, въ удовлетвореніе упомянутой нужды, поступить такъ:

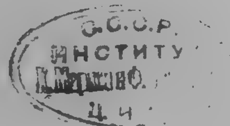
Высочайшимъ указомъ учредить въ Петербургѣ Общую Коммиссію изъ членовъ, которые имѣютъ быть избраны губернскими земскими собраніями, по два или по три отъ каждой губерніи; созвать ихъ къ извѣстному числу и предложить имъ на обсужденіе тѣ важныя дѣла, которыя мы указали выше или которыя признаны будутъ правительствомъ особенно неотложными. Въ эту Коммиссію слѣдовало бы передать на расмотрѣніе и ходатайства, поступившія или имѣющія поступить изъ земскихъ собраній, и желательно было бы предоставить ей право обращаться къ Верховной власти и съ собственными ходатайствами. Предсѣдателемъ такой коммиссіи придется быть лицу по Высочайшему назначенію. — И такое Высочайшее рѣшеніе будетъ принято съ благодарностью; но оно будетъ только полумѣрою.

Какъ при первомъ, такъ и при послѣднемъ рѣшеніи, не должны быть забыты тѣ губерніи, которыя еще не имѣютъ земскихъ учрежденій. На первый разъ, т. е. до распространенія на нихъ пересмотрѣннаго Положенія о земскихъ учрежденіяхъ, придется призвать изъ этихъ губерній, не представителей, избранныхъ населеніемъ, а экспертовъ, по назначенію Правительства.

Особенно важно, особенно настоятельно — принятіе того или другого рѣшенія без всякаго отлагательства. Нынѣшная неизвѣстность

и неопредѣленность хуже всего — она убійственна и для дѣлъ и для людей.

Въ заключеніе повторимъ уже сказанное нами выше: „Вѣруемъ въ Самодержавіе; вѣруемъ въ свойства души и ума нашего Самодержца;“ а потому не сомнѣваемся въ Его мудромъ и благомъ рѣшеніи.



LIBRAIRIE B. BEHR (E. BOCK) A BERLIN.

АВЕНАРІУСЪ, В. П., Бродящія силы. 2 части: 1ая: Современная идилія. 2ая: Повѣтріе. 7 M. 50 Pf.

АКСАКОВЪ, И. С., Рѣчь, произнесенная, 22-го Іюня 1878, въ Московскомъ Славянскомъ Благотворительномъ Обществѣ. 60 Pf.

Де ВОЛЛАНЪ, Григ., Свободное слово о современномъ положеніи Россіи, 1881. 2 M.

ВЪ ПЕРВЫЕ ДНИ министерства гр. М. Т. Лорисъ-Меликова. Записка о политическомъ состояніи Россіи весною 1880 года. 90 Pf.

ГЕРЦЕНЪ, А. І. Изъ сочиненій доктора Крупова. II. Письма изъ „Avenue Marigny". 2 M. 50 Pf.

ГРИБОѢДОВЪ, А. С., Горе отъ ума. 2 M.

ДВОРЯНСТВО и освобожденіе крестьянъ (Кавелина). 1 M. 50 Pf.

ВОЕННЫЕ заблужденія и предразсудки и армія будущаго времени. 2 M.

ИСКАНДЕРЪ. Еще разъ. 3 M.

КАРАМЗИНЪ. О древней и новой Россіи въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ. 1 M. 50 Pf.

КОШЕЛЕВЪ, А. Наше положеніе. 1875. 3 M. 50 Pf.

— — Общая земская дума въ Россіи. (Дополненіе къ книжкѣ: Наше Положеніе). 2 M. 50 Pf.

— — Объ общинномъ землевладѣніи въ Россіи. 1875. 2 M. 50 Pf.

— — Что́ же теперь дѣлать? 1879. 1 M. 80 Pf.

ЛЕРМОНТОВЪ, М. Ю. Демонъ, поэма. 4ое изданіе. 1875. 1 M. 50 Pf.

— — Стихотворенія, невошедшія въ послѣднее изданіе его сочиненій. 2ое изданіе. 1875. 3 M.

МАТЕРІАЛЫ для исторіи крѣпостнаго права въ Россіи. Извлеченіе изъ секретныхъ отчетовъ Минист. Внутр. Дѣлъ. 5 M.

НЕКРАСОВЪ, Н. Стихотворенія. Пополнен. изданіе. 4 M.

ПОЛЕВОЙ, Н. А. Царствованіе Іоанна Грознаго. Отрывокъ изъ исторіи государства русскаго. 1870 2 M. 40 Pf.

ПОЛИТИЧЕСКІЕ ПРИЗРАКИ. Верховная власть и административный произволъ. Одинъ изъ современныхъ русскихъ вопросовъ. 2 M.

ПУШКИНЪ, В. Л. Опасный сосѣдъ. 3-е изд. 50 Pf.

— — А. Евгеній Онѣгинъ, романъ въ стихахъ. 4 M.

— — Стихотворенія, невошедшія въ послѣднее собраніе его сочиненій. 2ое изданіе. 1870. 8°. 4 M.

РАЗГОВОРЪ съ Соціалистомъ-Революціонеромъ, 1880. 1 M.

РЕНАНЪ, Э. Жизнь Іисуса. Новое популярное изданіе 1875. 5 M.

САМАРИНЪ, Ю. Окраины Россіи. Серія первая: Русское Балтійское поморіе. Выпускъ I—VI. 31 M.

— — Отвѣтъ В. ф. Бокку и Ширрену по поводу „Окраины Россіи". 1870. 3 M.

— — и Ѳ. Дмитріевъ. Революціонный консерватизмъ. 8°. 1875. 3 M.

СВОБОДНЫЯ Русскія пѣсни. 75 Pf.

ТОЛСТОЙ, Гр. А. К., Сонъ Статскаго Совѣтника Попова. Сатирическая поэма въ стихахъ. 1 M.

ТУРГЕНЕВЪ, И. Вешнія воды. 4 M. 50 Pf.

— — Три новыя повѣсти. 2 M.

ХОМЯКОВЪ, А. С., Сочиненія. Томъ II. (Сочиненія богословскія), съ предисловіемъ Ю. Самарина. 8 M.

ЧѢМЪ НАМЪ БЫТЬ? — ОТВѢТЪ Редактору газеты „Русскій Міръ". Въ 2хъ письмахъ. 1875. 2 M.

ШУМАХЕРЪ, П. В. Моимъ землякамъ. Сатирическія шутки въ стихахъ. Ч. I и II. по 2 M. 25 Pf.

P. Stankiewicz' Buchdruckerei, Berlin, Beuth-Strasse 5.